

Анна Гаврилова

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК
ДЛЯ НАСТИ

18+

Анна Гаврилова

**Золотой ключик
для Насти. Книга 1**

«Автор»

2026

Гаврилова А.

Золотой ключик для Насти. Книга 1 / А. Гаврилова — «Автор»,
2026

В жизни всегда есть место чуду, хотя поверить в это непросто. Особенно, когда в свои двадцать лет осталась совершенно одна, без права на поддержку и прощение. Вот я и не верила. Не надеялась. Не ждала! А чудо всё-таки пришло. Золотой ключик отпирает одну-единственную дверь. Нет, не ту что спряталась за нарисованным очагом в каморке папы Карло, другую. Что за дверью? Чужой мир, разумеется. Если набраться смелости и шагнуть за порог, то непременно узнаешь какой. Я на этот шаг решилась

Содержание

Часть 1. Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Гаврилова

Золотой ключик для Насти. Книга 1

Часть 1. Глава 1

Весна – самое злое, самое коварное время года. Ждёшь её, надеешься, а она приходит и обламывает. Вместо ясной, солнечной погоды – серое небо и колючая морось, вместо щебета птиц – противное карканье, вместо повышения зарплаты – кукиш с маслом.

Зато весеннее обострение неизбежно, и начинается точно по расписанию.

– Сейчас у дверей нашего ресторана остановится красный «Феррари», – мечтательно протянула Ленка. – Из него выйдет умопомрачительный парень в узких джинсах и белой рубашке. Он выберет столик у окна, попросит «греческий салат», чашечку «эспрессо» и мой телефончик.

Ленка даже обернулась к двери – небольшой стеклянной створке, зажатой между двумя огромными витринными окнами. За стеклом типичный пейзаж – пасмурный город, торопливые, нервные пешеходы, припаркованные впритирку машины. Красота неопишная, хочется зевнуть и застрелиться.

– Ага, – буркнула я.

Подруга встрепенулась, одарила недобрый взглядом.

– Настя, так нельзя! Пессимизм вреден для здоровья.

Я пожалала плечами и промолчала. Ленка и сама знает, что красные «Феррари» у наших дверей не останавливаются, а столик у окна займёт не мачо в узких джинсах, а измученный жизнью менеджер из соседнего бизнес-центра. Он попросит кружечку пива и рюмочку водочки. Всё.

Ленка будто мысли прочла: скривилась, погрозила пальцем.

– Наська! В последний раз предупреждаю – не лезь!

– Так я не лезу.

– У тебя на лице всё написано, – обиженно пробухтела Ленка. – Ты уже три месяца работаешь в нашей забегаловке, а до сих пор не поняла. Думаешь, мы ради чаевых тут торчим? Нет! Рано или поздно, в жизни каждой хорошенькой официантки появляется особенный клиент, ради которого стоило терпеть сотни приверед с пивным брюхом и тысячи заносчивых дурочек. Сперва, он возьмёт телефончик, потом пригласит на свидание, а дальше... дальше всё завертится, закружится!

– И закончится пышной свадьбой на Бали, в компании его друзей-миллиардеров.

Подруга даже ножкой топнула.

– Настя! Сама не веришь – другим не мешай!

– Молчу, – отозвалась я.

Да и толку спорить? Ленка – девушка упрямая, если что-то решила, нипочём не отступит. Даже от такой, мягко говоря, сомнительной мечты. Впрочем, для неё это вовсе не мечта, а план. Нелогичный, непредсказуемый, но всё-таки. И если однажды она и впрямь встретит такого клиента, не удивлюсь. Ленка умеет добиваться, а я...

Я давно привыкла к тому, что удача проходит мимо. Она улыбается только уверенным и красивым, как Ленка. Я слишком обычная, слишком серая. Низенькая, угловатая, с блеклыми волосами цвета каштана. Единственное, чем по-настоящему одарила природа – глаза. Большие, зеленовато-карие, с золотыми искорками. Но этого категорически мало, чтобы заслужить хотя бы толику настоящего счастья.

Вот и ресторанчик где работаю под стать мне. Унылое место, особенно днём.

Скучающий бармен протирает стаканы, за дальним столиком громко шепчутся два мужичка, неподалёку от них шуплый парень поглощает ланч. А мы с Ленкой торчим у барной стойки и ждём распоряжений...

Ближе к вечеру сюда начнёт стекаться офисный планктон, над столиками повиснет прочное море табачного дыма и сальных шуточек. Мы будем метаться по залу, подносить, уносить и улыбаться. Не из вежливости, как обычно кажется клиентам, от безысходности.

– Смотри! – взвизгнула Ленка, ткнула пальцем в сторону окна.

Я замерла, рот приоткрылся сам. В дождливый пейзаж плавно въехал изящный ярко-красный автомобиль.

– Это «Феррари», – благоговейно выдохнула подруга. – Мамой клянусь!

Дверца машины распахнулась, а в следующий миг на пороге нашей забегаковки возник... точнее, возникла... шикарная длинноногая блондинка в белой шубке. Её улыбка ослепила, а я на мгновение поверила в Ленкины фантазии – девушка была похожа на сказочную фею. Послышался приглушенный вздох бармена, у парочки посетителей чуть глаза не лопнули, а Ленка злобно прошипела в ухо:

– Ты всё испортила! Сглазила! Вот сама и обслуживай эту швабру!

– Конечно...

У меня вдруг сердце ёкнуло – а что если это и в самом деле фея? Как у Золушки? Что если сейчас она взглянет на меня, улыбнётся, и... Нет. Так не бывает.

Я подхватила «меню» и устремилась к гостье. То, что она выбрала столик у окна, ничуть не удивило. Блондинка одарила холодным взглядом, сказала строго:

– Салат «Цезарь» и «американо». Только быстро. Я спешу.

Тут же распахнула сумочку, извлекла тойтерьера. Собачонка жалобно тявкнула, затряслась так, словно к ней оголённый провод подвели. Блондинка водрузила животное на стол, сказала, не меняя тона:

– Заткнись, тварь.

Я опешила. Очарование как ветром сдуло, вместе с фантазиями о феях и прочей ерунде. Клиентка – обычная девица с большими деньжищами, неизвестно как нажитыми. Может у неё папочка богатый, или «папик», или бизнес какой-нибудь, не слишком пыльный, но денежный. Хотя последнее – вряд ли, такие как она работать не любят.

– Вы ещё здесь? – удивилась блондинка, изогнула тонкую, идеально выведенную бровь.

После такого взгляда нужно хватать ноги в руки и вприпрыжку бежать за заказом, но я всё-таки выдавила:

– Извините. Не могли бы вы убрать собачку со стола?

– Не могла бы, – ответила блондинка, злобно сощурилась.

От такой наглости я растерялась окончательно, голос задрожал:

– Но... так нельзя. Не принято...

– Молчи, дура! – возопила гостья. – Без тебя знаю что можно, а что – нет! Неси мой кофе! Бегом!

Я аж присела от испуга. Тойтерьер тоже. Собачка выпучила крохотные глазки, а через мгновение по столу поползла лужа, в нос ударил неприятный запах. Удивиться я не успела.

– Администратора сюда! – взвизгнула блондинка, вскакивая из-за стола. Стул, на котором сидела, с грохотом обрушился на пол. Глаза несчастной животинки стали ещё больше. Только не это...

Наш администратор, Артём, уже мчался. Скакал на зов, как встревоженный олень.

– Что случилось?

Наманикюренный палец ткнул в меня, голосок прозвучал громче пожарной сирены:

– Эта дрянь испугала мою собаку! Видите?! Она даже описалась со страху!

Собачка сжалась, я тоже. Уверенности в том, что подо мной не растекается такая же лужа, у меня не было. Но Артём вернул к реальности быстро и чётко:

– Настя! Объяснись!

– Я только...

– Да что тут объяснять?! – взвыла клиентка.

– Действительно, – строго отозвался Артём. – Настя, уйди.

Я подчинилась. Безропотной серой мышью прошмыгнула к барной стойке и спряталась за Ленку. Взгляд уткнула в стену.

– Ну нифига себе... – выдохнула подруга. А у меня в глазах зашипало. – Не волнуйся. Тут и ёжику понятно, что ты не виновата. Артём разберётся.

И он действительно... разобрался.

Блондинка подхватила дрожащую пёську и, гордо задрав подбородок, вышла вон. Роскошный автомобиль мигнул фарами, лихо сорвался с места.

– Чтоб тебе гаишник за поворотом встретился! – прошипела Ленка. – Гадина крашенная, уродка, ду...

Жаркие проклятья оборвал подскочивший Артём. Лицо администратора пылало нездоровым румянцем, на щеках вздулись уродливые желваки, в глазах адское пламя. Но голос гнева не выдал, прозвучал строго и холодно:

– Настя. Ты отдаёшь себе отчёт? По твоей вине мы потеряли хорошего клиента.

Я потупилась. Не наигранно, по-настоящему. Пристыженный язык прилип к нёбу, колени задрожали. Ну что ответить Артёму? Он прав. Наша задача – удовлетворить клиента, каким бы он ни был. А я... не удовлетворила. И обидела вдобавок.

– Убери тот стол. Немедленно! – приказал Артём. И, грозно сверкнув глазами, скрылся за служебной дверью.

– Что это было? – потрясённо выдохнула Ленка.

– Какая разница? – тихо ответила я. – Всё равно ж накосячила.

Никогда не думала, что уборка может вызывать такое отвращение.

Злополучная собачья лужа растеклась по столешнице, с одного края уже капало. Брызги разлетались по полу, в воздухе висел запах, способный убить даже зверский аппетит. Я осторожно вытерла «произведение» несчастной животинки, тряпку выбросила. Тщательно вымыла стол, протёрла дезинфицирующим средством. А когда поднимала опрокинутый стул, обнаружила на полу связку ключей с брелоком в виде фигурки тойтерьера.

Машинально сунула находку в карман – нужно отдать ключи Артёму, всегда так делаем, если клиенты что-то теряют. А едва закончила, рядом возникла Ленка. Голос прозвучал печальней похоронной музыки:

– Настя... Артём просил передать, что ты уволена.

– Как это? – ошарашено выдохнула я. И только теперь заметила, в руках Ленки свою куртку и сумочку. – А как же... расчёт?

Ленка не ответила, только головой покачала.

Всё ясно. Артём решил прикарманить мои деньги. Конечно, я же без «трудовой» работала, сама не захотела оформляться, чтобы не портить биографию этим эпизодом. Теперь требовать справедливости бесполезно.

Вариант только один – упасть в ноги и разрыдаться. Потом вытерпеть получасовую лекцию на тему «как обслужить клиента» и... Чёрт, кому я вру? Я слишком хорошо изучила этого гада, ему плевать на чужие трудности! У меня нет шансов. Никаких.

– Пусть подавится, – прошептала я.

Ленка поняла, горестно поджала губы.

– Настюш, всё образуется. Ты не расстраивайся.

– Конечно.

Одним движением накинула куртку, выхватила сумочку из пальцев подруги и метнулась на улицу. В лицо дохнуло свежестью, хрупкие иголки весенней мороси упали на щёки.

– Ну и пусть! Чтоб тебе эти деньги поперёк горла встали! А мне плевать! И на тебя, и на вашу грязную забегаловку!

Только слёзы на глаза навернулись, горькие и злые.

Когда спустилась в Метро, стало совсем тоскливо.

Ну что я за человек? Совсем не умею за себя постоять. Если бы на моём месте оказалась Ленка, она бы и блондинку за пояс заткнула, и Артёма по стеночке размазала. А я... за всю жизнь только один раз взбрыкнуть посмела. И то... до сих пор жалею.

Как назло, деловитый голос диктора объявил мою станцию. Я нехотя вышла из вагона и поплелась домой.

Мой дом почти в центре Москвы, но глядя на фасад поверить в это сложно. Крошечное трёхэтажное здание построено в допотопные времена, с таким явлением как «капитальный ремонт» даже не сталкивалось. Штукатурка и краска давно облупились, в стенах зияет несколько довольно широких трещин, крыша того и гляди скатится вниз. Зато окна большинства квартир гордятся новыми стеклопакетами и красивыми занавесками.

Наш двор – тоже убогое зрелище: небольшая площадка, несколько поваленных деревьев, вечно переполненные мусорные баки и кружащие над ними вороны. Иногда приходят стаи бродячих собак, устраивают разборки с воронами и друг другом. Летом, когда махины окрестных высоток скрыты листвой, кажется, будто очутился в деревне. Но до лета ещё далеко.

Я живу в двухкомнатных «хоромах» на первом этаже. Одна. Квартира досталась от прабабушки, но вместо отличного подарка любимой внучке стала яблоком раздора. Родители настаивали, чтобы я отказалась от наследства в пользу старшей сестры, и это был единственный случай, когда решила настоять на своём. Глупая. Зачем нужна квартира, если родители и сестра знать меня больше не хотят?

Переехала, и мгновенно лишилась родительской помощи, пришлось искать работу. И почти так же быстро вылетела из института – работать и учиться на дневном невозможно. Надеялась за этот год скопить денег и восстановиться, хотя бы на вечернем, но и здесь ничего не получается. Неудачница.

Я вошла в подъезд, преодолела три лестничные ступеньки. Ключ в замке повернулся неохотно, пришлось как следует надавить. С чего бы это? Раньше никогда не заедал. Открыла дверь и замерла в ужасе.

– Что это?!

Одна, просторная комната с единственным малюсеньким окном, сквозь которое сочится тусклый свет. Стены из серых потрескавшихся досок. Слева железная кровать, справа покосившийся шкаф для посуды. Аккурат посередине комнаты сидит здоровенная крыса и деловито чистит шубку.

Зверюга почуяла новый запах, лениво повела носом и зыркнула на меня. Злобный крысиный взгляд вывел из ступора – я с визгом отскочила и захлопнула дверь. Сердце подпрыгнуло к горлу, ноги начали подкашиваться.

– Этого не может быть!

Мрачные стены старого дома подхватили крик, эхом разнесли по подъезду.

Я развернулась и внимательно посмотрела на дверь. Тёмно-синий дермантин советского производства, золочёная цифра «два» над глазком, затёртая ручка с остатками штампованного узора. В общем, дверь моя. Совершенно точно.

И подъезд тоже мой, родимый: стены, покрытые масляной краской ядрёного цвета, сверху пожелтевшая, местами вздутая штукатурка. По левую руку металлическая громадина – дверь Марии Петровны. Справа – серая, такая же неприметная, как и моя. За ней обитает тихий алкоголик, имени которого не знаю. И знать, если честно, не хочу.

Остаётся только один вопрос – куда подевалась моя квартира?

Я поднесла к глазам связку ключей и ахнула. Маленький тойтерьер радостно улыбался нарисованным ртом. Показалось, ещё немного, и эта скотинка тявкнет.

Осторожно, чтобы не спровоцировать крысу, приоткрыла дверь. Картина не изменилась – старая хибара, освещённая тусклым светом, который пробивается в единственное окно. Такой дом даже врагу не пожелаешь. Снова повернула ключ, заперла замок на привычные два оборота. Теперь попробуем открыть старым ключом...

Сработало! Любимые обои в цветочек! Косая полка для обуви с моими туфельками! Яркая лампочка под потолком! Счастье!

Захлопнув дверь, я рухнула на пол прихожей. Помнится, какой-то певец был готов целовать песок? А я воспылала внезапной страстью к старому, затёртому паркету. Впрочем, до этого не дошло. Чужая связка ожгла ладонь. Или это нервы шалят? Немудрено, день сегодня не из простых.

С великим трудом встала на ноги и попробовала проделать фокус с дверью снова, но уже изнутри. Получилось. Вместо лестничной клетки взгляду предстала заброшенная лачуга. В нос ударил тяжелый запах старины, ещё уловила странный, мерный гул. И хотя под ложечкой засосало, и душа начала сползать к пяткам, я решила исследовать эту аномалию. В конце концов, хуже уже не будет.

Вооружившись фонариком и газовым баллончиком, шагнула внутрь.

Половицы пронзительно закрипели, рядом с кроватью что-то шевельнулось, послышался приглушенный звук удара. Я вздрогнула, но не отступила. Подсвечивая фонариком, прошлась по комнате – просторно и пустынно, слева от окна ещё одна дверь, видимо, наружу. Больше ничего. Самая аскетичная планировка из всех возможных.

Заглянула в шкаф. Там обнаружили глиняные горшки, пара чугунных сковородок и жестяная банка с надписью «соль». На кровати, кроме матраса, лежала стопка постельного белья. Ткань выглядела чистой, но от неё шел отчётливый запах плесени. Видимо, этой лежанкой пару десятилетий никто не пользовался.

В маленькое окно по-прежнему пробивался тусклый дневной свет, стекло было настолько пыльным, что мир за окном казался по-московски серым. Я невольно поёжилась, но всё-таки подошла ко второй двери. Она оказалась заперта на засов, пришлось повозиться – железная задвижка покрылась ржавчиной, приросла к дугам. Ну а когда я победила древний механизм... Запах старины сменился свежим, пьянящим воздухом, глазам стало больно от яркого солнечного света. Сразу за порогом расстилалась бескрайняя лазурь – море.

– Вау!

Зачарованная, я сделала шаг вперёд и тут же оступилась, чуть не пропахала носом старенькое крыльцо.

Осторожно, как перепуганная кошка, спустилась по скрипучим ступеням. Всё ещё не веря глазам, сделала несколько шагов по мягкой, изумрудной траве и опять остолбенела.

Море. Настоящее море! Светлое, чистое, с белыми барашками волн, с чайками, которые кидаются вниз и взлетают, тяжело взмахивая крыльями.

И только когда способность мыслить вернулась, смогла разглядеть, что море не так уж близко, до него метров двести. А берег, на котором стою, очень высокий и узкий, как язык ящерицы. Почти на самом его кончике замерла покосившаяся деревянная избушка, из которой я вышла. Вдалеке, за домом, вместо гладкой лазури высокая стена леса. Нет, это не пятачок, а полноценный остров, как минимум.

Лёгкий порыв ветра ударил в лицо, растрепал и без того взъерошенные волосы.

– Я на краю мира? – сказала вслух, но за шумом волн собственного голоса не расслышала.

– Ну ничего ж себе...

И вдруг почувствовала себя такой маленькой, такой ничтожной. Вокруг буйство стихий, необъятное небо, бескрайнее море, и... я – крошечный человек на высоком берегу.

Как в полусне, обернулась к домику. Дошчатые стены покрыты струпами масляной краски, единственное окно кажется унылым подслеповатым глазиком, крыльцо – вот-вот развалится, зато соломенная крыша выглядит крепко, внушительно. Если бы не крыша, домик был бы неотличим от простенькой дачи, выстроенной во времена дефицита. Даже не дачи, а будки сторожа.

Слева от избушки два унылых, старых дерева. На покрытых сизым лишайником ветках крохотные листочки. Далёкий лес выглядит зловеще. Там берег заметно расширяется, взбирается ещё выше.

– Что это? – вслух спросила я. – Параллельный мир? Или другая планета?

Медленно, чтоб не спугнуть наваждение, вытащила из кармана мобильный телефон. На экране вместо названия оператора, обнаружилась надпись «только SOS». Впрочем, другого и не ждала.

– Плевать. До двери всего ничего. Захочу позвонить – просто...

Меня вдруг бросило в жар – дверь! Ураганом метнулась в домик, сердце подпрыгнуло к горлу и занялось бешеным боем. К счастью, дверь оказалась на месте, в проёме виднелась моя прихожая с обоями в цветочек и одинокой лампочкой под потолком.

– Нет, нельзя быть такой трусихой!

Несколько минут я стояла в проёме и убеждала себя, что дверь никуда не денется. Не захлопнется. Не исчезнет.

Снова скользнула в квартиру, заварила кофе и подхватила с кухни табурет. Заодно сравнила погоду: у нас листочки на деревьях только проклюнулись, в приоткрытую форточку дует холодом, с неба сыпется бесконечная, злая морось. А там, у моря, гораздо теплее, на деревьях не зелёное недоразумение, а полноценные листья.

Ключи из замка я всё-таки вытащила. Как говорится, береженого – бог бережет.

С кружкой кофе и табуретом наперевес, выбралась на прекрасный зелёный газон. От морского воздуха закружилась голова, и слёзы на глаза навернулись. Повезло. Впервые в жизни – повезло!

Вот только...

Связка выглядела как самый заурядный комплект ключей: два плоских, один длинный, с массивной крестовиной на конце. Для полной «универсальности» только «таблетки» от домофона не хватало.

Я старательно осмотрела каждый ключ, брелок и даже кольцо, держащее связку. До последнего надеялась обнаружить хоть какой-нибудь след – магический знак, или кристалл, или ещё какую-нибудь фенечку. Но нет. Ничего.

– И в чём секрет? – вопрос был обращён к «тойтерьеру». Собачка промолчала, но я не смутилась. – Может тут как в сказке? «Золотой ключик» отпирает единственную дверь, которая расположена в камерке за нарисованным холстом? А для всех остальных замков остаётся простым ключом, без всякого волшебства?

Я хлебнула горячего кофе, вдохновлённый мозг тут же выдал ещё одну версию:

– Или ключи так долго впускали свою хозяйку в фешенебельные апартаменты на Рублёвке, что, оказавшись за чертой бедности, по привычке открыли двери в рай?

В том, что блондинка живёт на Рублёвке я, почему-то, не сомневалась. Девушки вроде неё обитают именно там, разве нет?

И хотя мой рай оказался довольно обшарпанным, настроение неукоснительно росло. От желания поцеловать заветный ключик, меня оторвали новые, совсем недобрые мысли. По коже пошел морозец, сердце кольнул страх.

Что если блондинка знает о волшебных свойствах ключа?

Нет. Невозможно. В этой лачуге скандалистка точно не бывала, иначе бы оставила свой след на пыльном полу. Да и могла ли дамочка вроде неё заинтересоваться безлюдной глухоманью? Могла ли переступить порог мрачного бедняцкого дома? Нет. Для таких как она, это всё равно, что поцеловаться с бомжом.

Для блондинки это самые обычные ключи, по-другому и быть не может. Значит, искать их она не станет. Разумные люди в таких случаях, просто меняют замки. Проще, дешевле, надёжнее. А если и будет: в той забегаловке больше не работаю, о том, что связку нашла – никто не знает. Если позвонят и спросят, скажу: не видела. И всё.

Тем более, когда устраивалась на работу, оформляться по всем правилам не стала. Думала: заработаю денег, вернусь в институт, доучусь и пойду работать по специальности, юристом. При таком раскладе, запись в «трудовой» сработает против меня. Администратор-Артём на эту аферу согласился и кроме номера мобильного телефона ничего не спросил. Теперь мой адрес – тайна покрытая мраком.

Конечно, при сильном желании отыскать можно кого угодно, но связка ключей – повод недостаточный. И вообще, мало ли где она их обронила! Я тут совершенно ни при чём!

Глава 2

Весь вечер я строила планы по обустройству нового жилища, но толковых идей не было. Вернее, идеи были, но с моим финансовым кризисом не совмещались ну никак!

В десятый раз пересчитав сбережения, пришла к выводу, что ограничусь косметическим ремонтом, зато потом устрою себе пару месяцев скромного безделья. Потому что когда под боком настоящее море и тёплое солнце, думать о работе – преступление.

...Подскочила в шесть утра от дикого воя полицейской сирены. Страх пробрал до костей, сердце заколотилось бешеным мотором. Я осторожно выскользнула из кровати, на цыпочках подошла к окну. Сирена сразу же смолкла, послышалась ругань и звуки ударов.

В тусклом свете уличного фонаря сцена выглядела жутко: у полицейской машины, лицом в асфальт, лежали три крепких парня. Их уже не били, но слов служители закона не жалели. Через минуту подъехала ещё одна машина с мигалкой, парней погрузили на заднее сиденье и увезли. Всё стихло, мираж развеялся, но спать уже не хотелось.

Не включая свет, я поставила чайник, соорудила два бутерброда с сыром. Это хорошо, что меня разбудили – чем раньше начну уборку в лачуге, тем больше успею.

На незнакомом побережье уже забрезжил рассвет. Вдалеке, спокойная гладь моря окрашена красным, из волн поднимается круг солнца. Холодный воздух бодрит, но день обещает быть жарким.

Я нарядилась в старые джинсы и футболку, вооружилась веником, ведром тёплой воды и тряпкой. Первым делом вымыла крошечное окно, в лачуге сразу стало светлее. Входную дверь распахнула, подпёрла найденным тут же кирпичом, и запах старины сменился морской свежестью. А вот потом начались трудности.

Во-первых крыса. Она не высовывалась, но мне отчего-то казалось, будто эта длиннохвостая тварь пристально следит за каждым моим шагом. А во-вторых... сам домик. Он поскрипывал, ворчал, как потревоженный пенсионер. И хотя в призраков и живые лачуги не верю, холодок по спине всё-таки пробежал.

Я ещё раз осмотрела двери. Та, что вела к морю, напоминала вход в деревенский туалет – плохо оструганные доски сбиты вместе, поперёк – крепящие перекладины. С внутренней стороны железный засов-задвижка, снаружи никаких замков нет. А та, в проёме которой виднелась моя квартира, немного изящнее. Доски отшлифованы, на них заметны признаки морилки, однако конструкция, по сути, такая же. Только ручка расположена слева, под ней маленькое отверстие, из которого торчит личинка замка.

Я выволокла на улицу матрас, который оказался тяжелее гранитной плиты, заодно вспотела, как беговая лошадь. Плесневелые тряпки из лачуги загрузила в стиральную машинку. По-хорошему их стоило выбросить, но рука не поднялась.

А после погрузилась в крошечный ад: столько грязи я в жизни не видела! В горле сразу запершило, в носу защипало, глаза засыпало песком. Воду в ведре пришлось менять раз сто, но она всё равно в мгновение становилась чёрной. На мытьё посуды извела целый пузырёк моющего средства, в конце концов разбила один глиняный горшок и плюнула на это дело – есть из неё всё равно не собираюсь.

Когда, назло всем врагам, пол был отмыт, лачуга преобразилась. А после того, как сняла со стен паутину, протёрла растрескавшиеся доски, унылое строение стало напоминать настоящий дом. Завтра куплю краску и устрою полное преображение. Ещё нужно раздобыть тяпку и лопату – цветник рядом с таким домом просто необходим.

Когда солнце выкатилось на середину неба, в животе начался голодный бунт. Окинув лачугу внимательным взглядом, я удовлетворённо кивнула и отправилась обедать.

После отыскала в шкафу пляжную сумку и купальник, достала новое, огромное полотенце. И хотя разум подсказывал, что, несмотря на хорошую погоду, купаться ещё рановато, отправилась искать спуск к морю. Он обнаружился близко, всего в десятке метров.

Угрюмая, давно заброшенная лестница с земляными ступенями, упиралась в тонкую полосу песчаного пляжа. Над пляжем нависал берег, что немного портило ощущение грядущего праздника – страшновато, вдруг обвалится?

Чтобы спуститься, а не скатиться, пришлось проявить чудеса осторожности. Земляные ступени оказались довольно скользкими, временами приходилось хвататься за корешки и камни, торчащие из берега. К тому времени, как оказалась внизу, руки были чернее чёрного.

Местная погода, в отличие от московской, баловала но вода даже с виду была холодной. Меня это, конечно, не остановило.

Я торопливо стянула одежду, втиснулась в купальник и подошла к краю. Набежавшая волна лизнула ступни, кожа мгновенно покрылась мурашками. Зашла в воду по щиколотку, задрожала, и с победоносным криком «Вау!» помчалась навстречу кайфу. О том, что это непойми какое море и в нём водится непойми какая живность, даже не подумала. Вернее подумала, но эта мысль посетила метрах в тридцати от суши.

К счастью, обошлось.

На берег выбралась дрожащим, посиневшим огурцом. Кажется, от холода даже спинной мозг скукожился. Тут же, по закону подлости, налетел недобрый ветер.

Я не стала переодеваться, просто закуталась в полотенце, побросала оставшиеся вещи в сумку и помчалась наверх, в тепло московской квартиры. Подниматься по земляной лестнице оказалось гораздо легче, хотя ступени по-прежнему скользили и норовили сбросить вниз.

И едва ступила на твёрдую землю, навстречу шагнул здоровущий мужик.

– Ой, – вскрикнула я и попятилась.

Нога провалилась, я потеряла равновесие и полетела вниз. К счастью, меня поймали. За ногу. Но осознала это не сразу, потому что первая ступенька лестницы врезалась в затылок, выбила из глаз искры. Последнее, что запомнила – как улетело несчастное полотенце.

Когда зрение вернулось, увидела жуткую перекошенную рожу. Она была так близко, что я даже маленький прыщик на носу разглядела. Хотела закричать, но горло сдавило судорогой, по телу пошел озноб, кровь тяжелой волной ударила в голову.

– Очнулась? – пробасил незнакомец, и этот голос мне ой как не понравился...

– Да, – зачем-то проблеяла я, даже не пытаюсь шевельнуться.

И тут до меня дошло – это конец. На пустынном берегу только двое – я и он. Причём я в купальнике, а он... Ой-ой-ой!

Подскочила, как ужаленная. Не знаю, откуда взялись силы, но мужика я толкнула так, что он отлетел на добрых три метра. Ноги сами понесли вперёд, к лачуге. Кровь застучала в висках, в боку закололо. Мама дорогая, что же я наделала?!

– Стой! – бухнуло за спиной. – Стой, кому говорю!

Ага, щас! Я припустила ещё быстрее, в один шаг преодолела скрипучие ступени и захлопнула дверь хижины. Засов категорически отказывался входить в ржавый паз, я, что было сил, тянула дверь, но железяка всё равно не слушалась. Наконец, она взвизгнула и переломилась. Всё.

Я оглянулась на дверь квартиры, ужасная догадка ударила как молния, едва не свалила с ног. Ключи остались в пляжной сумке, а без них запереться в квартире не смогу.

Всё, допрыгалась. Отпустив ручку двери, задрожала осиновым листом и приготовилась к худшему.

Минуту, две, три... ничего не происходило. Я продолжала дрожать в полном одиночестве, дико косясь на дверь.

Можно попробовать вернуться в квартиру, высунуться в окно и позвать на помощь, вот только сумеет ли полиция прорваться и защитит? Ведь на окнах – решетки, а с дверью вообще не понятно что. Да и как объяснить им, откуда этот насильник взялся?

– Эй! – прогремело снаружи. – Э-эй!

Крик вывел из оцепенения. Я осторожно пробралась в квартиру, схватила джинсы и газовый баллончик. Так же бесшумно вернулась к двери.

Если он ворвётся, мой единственный шанс на спасение – выбежать из лачуги и удрать в лес. Пересидеть там, пока этот монстр не уйдёт, а потом думать, как запереть дверь. Нет, мне такие приключения не нужны. И море тоже не нужно!

– Эй!

Да что же он так орёт? Или всерьёз считает, что сама выйду? Ага, только рак на горе свистнет, и я тут как тут.

– Эй! Выходи! – голос мужика прозвучал не грозно, а как-то жалобно. Или мне померещилось со страху? – Выходи. Дело есть.

Я молчала. Тихонько натягивала джинсы. Если мой обидчик ещё пару минут подождёт, успею нацепить кроссовки и кофту. Тогда у меня будут все шансы добежать до леса. Я ведь маленькая и лёгкая, значит, по определению, бегаю быстрее этого громила.

– Я вещи твои принёс, – прогреготал обидчик. В этот раз я совершенно чётко расслышала в его голосе грусть, причём такую, что сердце дрогнуло.

Прошмыгнув к окну, увидела неоднозначную картину. Громила стоял в паре метров от моей хижины, сумку держал на вытянутой руке, брезгливо морщился и отворачивался. Что это с ним? Кстати, а ведь не мужик, парень. Причём довольно молодой.

После недолгого раздумья, я прокричала:

– Положи сумку на порог, а сам отойди подальше!

Он почему-то отшатнулся, заколебался. Будто испугался моего предложения.

– Давай я это тут положу, а сам отойду ещё дальше?

Теперь настала моя очередь пугаться, но я всё-таки согласилась.

Детина действительно опустил сумку на землю, действительно отошел. Когда я открыла дверь, парень аж подпрыгнул. Но с места не сдвинулся.

С показной смелостью, я подошла к сумке, а вот обратно бежала как последний трус, у меня даже коленки тряслись. На ходу отыскала связку с брелком, запоздало порадовалась, что моё добро не улетело в море, как полотенце.

– погоди! – прокричал детина, когда я уже захлопнула дверь лачуги. – Разговор есть!

Вновь обретенные ключи придавали смелости, к тому же парень не приближался, а благоразумно стоял в добром десятке метров, поэтому я снизошла. Встала на пороге, подпустила в голос храбрости и спросила:

– Ты кто?

Парень выглядел необычно. Большой, морда широкая, красная, плечи – не в каждую дверь пройдут, ручища как брёвна, ноги не лучше. На голове короткий ёжик светлых волос, на щеках щетина той же длины, будто стриг всё разом, причём под одну и ту же «машинку». И одет странно.

– Я из деревни, – пробасил он, махнул рукой в сторону леса и пояснил, как для тупой: – Деревенский я. Косарем звать. А тебя как звать?

Я вдруг сообразила, сколько времени понадобится Косарю, чтобы достигнуть порога домика, и голос мне изменил.

– На-на-на-настя.

– Красивое имя, – серьёзно отозвался детина. Его новый вопрос спровоцировал нервный тик: – Ты колдунья?

Что на это ответить? Кажется, в деревнях колдунов и ведьм не жалуют. Или я путаю? Нет, всё верно. Мне один приятель рассказывал, как в древние времена русский крестьянин сражался с нечистой силой. Вилами колол, топил, на кострах сжигал.

– С чего ты это взял? – дипломатично пискнула я.

Косарь пожал плечищами, почесал затылок и смущённо отвел взгляд.

– Да просто раньше в этом доме колдунья жила. Вот и подумал...

За поясом у парня заметила небольшой, но явно острый, топор. Из-за голенища торчала рукоятка неприятного вида, видимо – нож. Причём не просто нож, а тесак. Ну нафиг такие знакомства. Я лучезарно улыбнулась и закрыла дверь.

– Подожди, – крикнул Косарь. – Не уходи. Нам помощь нужна.

– Какая?

Вот кто меня за язык тянул?

– Там человек один помирает. Моряк. Я его две недели назад подобрал.

– От чего помирает? – настороженно спросила я, но дверь не открыла. А в голове пронеслась паническая мысль: только чужеродной заразы мне сейчас и не хватает!

– Застудился. Его старостиха выхаживает. Говорит, мол, лёгкие воспалились. Только не знаю, бывает ли такое.

– Бывает, – проворчала я. Даже предположить не могла, что детина услышит.

– Ты колдунья! – радостно заключил Косарь.

Когда я вновь появилась на пороге лачуги, он стоял гораздо ближе и растягивал рот в улыбке. Зубы у Косаря оказались не слишком белыми и чуточку кривыми. Как ни странно, это придавало очарование. Но я не купилась. Я-то знаю, что именно с такими улыбками фанатики и маньяки набрасываются на своих жертв.

Душа медленно поползла вниз, застряла где-то в районе коленок. Но выхватывать оружие и бросаться на борьбу с нечистью, парень не собирался. Я решила воспользоваться паузой и кое-что прояснить. Начала по-умному, издалека:

– Если у вашего моряка воспаление лёгких, лучше обратиться к врачу.

– Так это... у нас старостиха, жена старосты, врачует, – сообщил Косарь.

– А больницы у вас есть?

Парень завис. Его недоумение было настолько искренним, что я устыдилась недавних мыслей. Нет, не маньяк – маньяки так не умеют.

Ещё раз пригляделась к его одежде. Странная, будто из запасников Ленфильма, из реквизита к картинам про крестьянский быт пушкинских времён. Только вместо лаптей сапоги. И как это понимать? Я в прошлое угодила? Или всё-таки в параллельный мир? Чёрт, что-то мне подсказывает, что от правды легче не станет.

– Значит, до меня здесь колдунья жила? Как давно это было? Куда она делась?

– Давно. Она пропала лет пять назад. Исчезла и всё.

– Вот так просто? А вы искали?

– Как же её искать? – пробасил Косарь. – Она ж в доме исчезла. А нам в него входить нельзя, иначе смерть.

– Вот как? Интересно...

Значит, пока я в этой лачуге, мне бояться нечего. Местные поверья защищают и оберегают. А вот стоит отойти на пару метров – и всё, никаких гарантий. Или гарантии всё-таки есть?

– Так ты сможешь? – с надеждой спросил Косарь. И, не увидев в моих глазах энтузиазма, продолжил торопливо: – Я ж его сам из моря вытащил, вот этими руками. Пришлось сеть бросить, чтоб не упустить утопленника. А щас, если помрёт, знаешь как обидно будет? Что же я, зря сеть утопил что ли?

Возражать против таких аргументов сложно. И всё-таки я попробовала:

– А чем его старостиха лечит?

– Травами, – со знанием ответил Косарь.

Мда... Выходит, от меня сейчас человеческая жизнь зависит? А как хорошо начинался день...

– Попробую, – обречённо вздохнула я. – Подожди здесь. Через час вернусь.

Оказавшись в своей уютной квартире, заглянула в интернет и спешно помчалась в аптеку. Конечно, лечить воспаление лёгких своими силами – глупо, но если мои догадки верны, ничего другого не остаётся. Не могу бросить этого моряка помирать, врождённый гуманизм не позволяет. К тому же, раз мой «островок» обитаем, придётся налаживать связи с местным населением. Иначе нельзя.

В аптеке, к моему несказанному счастью, было пусто. Улыбчивая женщина в белом халате приняла список, пробежала по нему взглядом и вмиг растеряла всю доброжелательность.

– Что вы собираетесь лечить? – вопрос был задан таким тоном, что я невольно поёжилась и растерялась. Недавнюю эйфорию как ветром сдуло.

– Пневмонию...

– Девушка, вы в своём уме? У вас есть рецепт врача?

Я потупилась, ответила смущенно:

– Нету.

К счастью, аптекарша не стала глумиться и поучать, ответила просто и холодно:

– Без рецепта эти лекарства не продам.

– Почему?

Ответом стало ледяное молчание и строгий, уничижающий взгляд. Мне захотелось провалиться сквозь землю. Ненавижу просить, а требовать и вовсе не умею. И всё-таки я выдавила:

– Пожалуйста...

Губы аптекарши дрогнули, усмешка была хуже пощёчины. Я покраснела до корней волос, уши запылали факелами.

– Вот что, девушка. Иди-ка ты отсюда, куда подальше.

– Пожалуйста, – чуть слышно проронила я.

– Вон, я сказала!

– Но...

– Иди отсюда! Бегом!

Сгорая от стыда, я развернулась и поплелась прочь, чтобы через секунду столкнуться в дверях с сухонькой бабулькой.

– Настя?!

О нет, только не это... Мария Петровна – не просто старушка, соседка по лестничной клетке, самая злая сплетница нашего подъезда. От её острого языка даже гробовая доска не спасёт. Пропилит или прогрызёт, как жук-короед. Тут же, как назло, в спину прилетел ещё один возмущённый возглас аптекарши:

– Иди, иди! Ишь, повадились! Не продам!

– Что не продают? – оживилась Мария Петровна. Проклятая старушенция вцепилась в косяк двери, наглухо загородив выход. А с виду такая хлипкая.

– Ничего не продают! – пояснила аптекарша сурово.

Ну всё, я пропала. Мария Петровна сейчас такого навдумывает. А потом разнесёт свои фантазии по всему подъезду.

– Настя? – соседка изумлённо вскинула брови. – Что происходит?

– Пневмония у неё, – бросила аптекарша насмешливо.

- Да-а?

Пришлось объясняться. Точнее выдумывать правдоподобную историю, дескать ко мне приехал дальний родственник прабабушки, страхового полиса у него нет, денег тоже, а пневмония налицо. Имён я не называла, но Мария Петровна вдруг оживилась и начала наседать на аптекаршу.

Диалог между ними был бурным, но довольно мирным. В том, что женщины хорошо знакомы, сомнений не осталось. Выслушав доводы старушки, аптекарша процедила:

– Ладно, но чтоб я её больше не видела.

– Не увидишь, не увидишь! – радостно воскликнула Мария Петровна.

Я тоже улыбнулась, хотя... заявление соседки несколько смутило.

Домой мчалась, как Пятачок на День рождения к Иа-иа. В какой-то момент поняла – если так сильно прижимать пакет к груди, ампулы лопнут. Фармацевт исправила и пояснила некоторые дозировки, два лекарства заменила другими, более эффективными. И ещё рассказала, как делать внутримышечные уколы. От меня теперь требуется малость – не облажаться.

Косарь обнаружился на том же месте, кажется, даже на миллиметр не сдвинулся. Но я всё равно потребовала гарантий, выпалила, прям с порога:

– Поклянись, что меня никто не обидит!

Деревенский здоровяк потупился и растерялся, а я попятилась. Так, на всякий случай.

– Не обидит, – пробасил Косарь. И добавил, краснея: – Не позволю.

Кажется, я тоже вспыхнула. А под странным, внимательным взглядом детины смутилась ещё больше. Ну конечно... Если догадки верны, то мой внешний вид способен вызвать у местного населения культурный шок. Обтягивающие джинсы и майку с откровенным декольте лучше оставить для Москвы.

– Ещё минуту! – провозгласила я. – Переоденусь!

В моём гардеробе подходящей одежды не нашлось. Взгляд случайно упал на потрёпанный чемодан, в котором хранились прабабушкины вещи – в своё время, рука не поднялась выбросить. К счастью, она была такой же худышкой, как и я. И рост у нас примерно одинаковый.

Когда я появилась на пороге во второй раз, парень ахнул. Никогда не думала, что девушка в длинной цветастой юбке и скромной белой блузочке может вызвать такой восторг. Ан нет! Вкус мужчин, особенно деревенских, непредсказуем. Эх, нужно было щёки свёклой поддурманить, чтоб усилить эффект.

– Веди! – скомандовала я, и первой заспешила к лесу.

Лекарства сложила не в пакет, а в бабушкину тряпичную сумку. Этот аксессуар не прибавлял уверенности, зато отлично сочетался с образом деревенской колдуньи. Интересно, чем занималась предыдущая ведьма? И как она здесь оказалась? Тоже дверь?

Глава 3

Ближе к лесу берег и впрямь расширился, причём значительно. Он поднимался вверх не слишком круто, очертаниями сильно походил на голову ящерицы, а полоска земли, на которой стоял мой домик, действительно напоминала высунутый язык.

Косарь шел уверенно, явно замедлял шаг, потому что я за ним не поспевала. Он оказался на голову выше, и ноги у парня точно длинней моих были. Хорошо, что не пришлось от него удирать, догнал бы в два счёта.

Лес начался не подлеском, а стеной высоченных сосен. Но удивило другое – тут не было тропинки. Значит, к дому колдуньи дорогу давно забыли.

Косарь будто мысли подглядел, пояснил:

– Я случайно к тебе забрёл. Подумал: а вдруг колдунья вернулась. Раньше-то не сильно нужна была, а сейчас – позарез! А то ведь помрёт моряк, обидно будет.

Я промолчала. Вести беседу с громадным Косарем было страшновато. И ещё у меня уши горели, и сердце чуть-чуть ёкало, когда парень смотрел в мою сторону.

Его лицо, которое вначале показалось красным и перекошенным, было вполне нормальным. Я бы сказала типичным, славянским. Крупный, задиристый нос, пухлые губы, серо-голубые глаза. Брови сидели довольно низко, от этого взгляд казался суровым, но поведение и манеры Косаря подсказывали – парень добрый, даже слишком. Из таких девчонки обычно верёвки вяжут, и мулине вяжут.

Через пятнадцать минут прогулки, когда мощные еловые лапы окончательно заслонили солнечный свет, мне стало жутко. Проснулось дремавшее до той поры благоразумие, только применить его было некуда. Я заметно прибавила шаг, чем явно смутила Косаря.

– Скоро на луг выйдем, – осторожно проговорил он. – Не бойся.

– А я не боюсь.

Колени у меня просто так дрожат, а то, что спина вспотела – так это от жары. Я вообще-то девушка смелая. И умная к тому же.

Когда отчаянье достигло точки максимума, лес кончился и взору предстал широкий луг, покрытый сплошным ковром одуванчиков. Рот непроизвольно распахнулся – даже не предполагала, что обычные сорняки могут выглядеть столь впечатляюще и источать такой аромат.

– А вон и деревня, – пробасил Косарь, махнул рукой.

Вдалеке действительно чернели дома. Справа от них расстилалась морская гладь, а слева – тот же желтый луг, обрамлённый стеной мрачного леса. Здесь берег был ещё выше, до моря метров двадцать, если не больше. Притом, что полей не наблюдалось, а море лежало не слишком близко, основное занятие деревенских я определить не смогла.

– Да рыбаки мы! – лучезарно пояснил Косарь. – Тут все берега высокие, сколько не ищи. Улов приходится в гору затаскивать, но что поделать? Зато деревня штормов не боится. А волны у нас знаешь какие поднимаются? Ого-го!

При мысли о шторме меня немного качнуло. Мигом представилось, как исполинская волна накрывает мою лачугу и уносит в море, вместе с хозяйкой. Ох, час от часу не легче.

Когда мы пересекли луг, безлюдная с виду деревня, резко преобразилась. А я оказалась совершенно не готова к такому повороту событий.

Сперва, навстречу выпрыгнула стайка мальчишек и девчонок в замызганных одёжках. Вслед за ними примчался брехливый пёс, размером с телёнка. За ним, ахая и охая, прибежали бабы в тусклых платьях. Визг поднялся такой, что я чуть не оглохла. Местное население обсту-

пило плотным кольцом, засыпало Косаря вопросами, меня тоже о чём-то спрашивали, но слова смешивались с визгами и я ничего не понимала.

В довершение всего, в толпу ворвался плешивый дед, растолкал румяных женщин и с прытью пьяного гусара ринулся ко мне. Обниматься.

Я чудом успела спрятаться за широкую спину Косаря, тоже завизжала.

– Тихо! – прогремел Косарь. Выпятил грудь, по-барски шагнул навстречу деду. – Это не старая колдунья! Это новая! Её зовут Нанананастя!

– У... – протянули в толпе.

– Красивое имя! – пропищал кто-то из мальчишек.

Я подавилась смешком, но Косарь был серьёзен, как президент на инаугурации:

– Нанананастя идёт лечить хворого моряка. Так что вы это! Того! Пропустите!

Одна из женщин, видимо, та самая старостиха, всплеснула руками, расцвела беспредельно широкой улыбкой.

– Во-во! – кивнул мой провожатый.

Толпа расступилась, как море перед Моисеем. А я отчаянно вцепилась в локоть Косаря. Тот глянул странно, озадаченно выгнул бровь. Пришлось сознаться:

– Боюсь.

Дальше шли медленно, под визжащим конвоем любопытной толпы. Локоть Косаря не отпускала до тех пор, пока старостиха не распахнула перед нами дверь своего дома.

– Пойдём, – улыбчиво сказала она. – Авось у тебя получится выходить. Я-то уж совсем с ног сбилась. Две недели лечу, а он всё горит и горит...

Переступив порог, мы сразу очутились в большой общей комнате, одну стену которой занимала печь. У другой обнаружился стол и несколько скамеек, рядом нечто отдалённо похожее на ткацкий станок. В воздухе витал аромат свежего хлеба, борща и жареной рыбы. На этом сходство с русской избой заканчивалось.

Напротив входной – ещё три двери, во внутренние комнаты. Старостиха поспешила к крайней, той, что ближе к печи. И хотя меня внезапно обуяла нервная дрожь, резво побежала следом.

Моряк встретил нас тихим, нечеловеческим стоном.

– Со вчерашнего вечера в беспомощности, – грустно сообщила женщина.

Я нервно сглотнула. Морально готовилась к неприглядному зрелищу, но реальность оказалась куда хуже. На сбитых измятых простынях, лежал мокрый, как мышь, мужчина. Некогда красивое лицо осунулось, лоб усеян мелким бисером пота, длинные, липкие пряди волос похожи на скопище чёрных змей. Одежда сброшена, обнажает руки и грудь. Когда-то этот человек был очень силен, а сейчас кожа выглядит по-стариковски дрябло, болезнь стремительно пожирает тело. И пахнет в комнате... своеобразно.

Трогать его лоб было очень неприятно.

– Горит, – кивнула старостиха.

Моряк застонал, закашлялся. Голова дёрнулась, но тут же упала на подушку.

– Он сильный, – продолжила женщина. – Другой бы давно помер.

– Его нужно перевернуть на живот, ну или хотя бы на бок. Поможете?

Больной оказался лёгким, как бронированный джип груженный камнями. Пока переворачивали, моя жалость незаметно испарилась, а мысли о предстоящем уколе доставили какое-то нездоровое удовольствие.

Под одеялом обнаружился ещё один сюрприз – моряк был совершенно гол, все прелести напоказ. На моих щеках тут же вспыхнул неподобающий профессионалу румянец. Старостиха

заметила и усмехнулась, хитренько так, странненько. А когда попросила оставить меня наедине с бездвижным телом, значительно хмыкнула. Тоже мне хохмачка.

На первом уколе пальцы дрожали, на втором ходили ходуном. Сама с ног до головы покрылась холодным потом. Разум предательски подсказал – то ли ещё будет! Но я всё-таки надеялась, что практики не врут, и дальше будет легче. Приноровлюсь, набью руку и смогу делать уколы с завязанными глазами. Тем более, при внутримышечных инъекциях промахнуться сложно, а это уже полдела.

Использованные шприцы и ампулы спрятала в сумку – местному населению незачем видеть эти инструменты. По крайней мере, до тех пор, пока не разберусь что к чему. По этой же причине не доверила старостихе делать питьё для больного, попросила кружку кипятка и сама влила лекарство в моряка. Тот шевелил губами, но глаза так и не открыл.

– Через четыре часа нужно повторить процедуру, – сообщила я, вываливаясь из дурно пахнущей спальни. – Но не уверена, что смогу его вылечить.

Старостиха понимающе кивнула, с серьёзным видом протянула мне чашку компота. А до меня вдруг дошло – если антибиотики, витамины и прочие микстуры не подействуют, парень умрёт. Не как в кино, по-настоящему.

– Можно задать вам несколько вопросов?

– Конечно, – кивнула старостиха.

Женщина казалась очень милой: круглое улыбочное лицо, чуть подёрнутое морщинами, аккуратно повязанный платок, чистое, хоть и очень блеклое, платье. Она относилась к тому типу людей, которые вызывают доверие, причём полное и сразу. Я немного поколебалась, всё-таки мои вопросы были не так просты, потом вздохнула поглубже и выпалила:

– Как называется ваша страна?

Голос женщины прозвучал очень спокойно:

– Ремвид.

Я ожидала такого поворота, но изумление скрыть не смогла, а старостиха продолжила с прежней невозмутимостью:

– А наша деревня зовётся Вешенкой, находится на самом краю королевства, на западной границе. Мы обычные, мирные люди и вреда тебе не причиним. И архиепископу не выдадим.

От такого заявления у меня волосы встали дыбом и спина вспотела.

– Архиепископу?

– Ну да, – пожала плечами старостиха. – Он ведь велел сразу сообщать о появлении колдунов. Но мы не дураки! Вон, с прежней сколько лет бок о бок жили? И ничего, никакого зла! И бог от нас, кажись, не отвернулся. А без неё тяжело стало. Поэтому тебе рады. Очень рады!

Мир перед глазами качнулся. Я с трудом преодолела расстояние до лавки, плюхнулась на отполированную деревянную поверхность и потребовала рассказать всё!

Ситуация оказалась банальной, но запущенной.

Жители королевства Ремвид общались с колдунами давно и плотно, но в один прекрасный момент, столичный архиепископ решил, что такие контакты противны богу. Его поддержал король и вся аристократия. Колдунов ловили и казнили, изредка жгли дома и наказывали тех, кто пытался помогать опальным. Спустя полгода, с волшебниками вроде бы покончили. Но власти не успокоились. Особый отряд короля начал прочёсывать страну от края до края, проверять все деревни и хутора. А после всё опять стихло.

– Прежняя колдунья тихо жила, – пояснила старостиха, – и отряд, проходя через нашу деревню, ничего подозрительного не нашел. Это лет десять назад было.

Слова женщины немного успокоили. Если ишейки короля больше не наведывались в эти края, значит буря действительно стихла. Однако расслабляться всё равно не стоит.

– А кроме прежней колдуньи в том доме кто-нибудь появлялся? Например, шикарная стервозная блондинка...

– Нет. Никого не было.

Возвращаться в свою лачугу я не спешила – нужно сделать ещё одну порцию уколов и дожидаться старосту. Его жена оказалась очень проворной и понятливой, сразу же оградила меня от любопытства местных – заперла дверь, предварительно сообщив толпе:

– Она занята! Лечит!

За кружечкой горячего киселя, старостиха поведала о местном укладе.

Выяснилось, что деревенские живут в основном рыбалкой. На рассвете все мужчины уходят в море, а женщины и дети огородничают. Косарь рыбным промыслом не занимается, он отвозит общий улов в город, выменивает на другие товары. Если успевает обернуться быстро, как сегодня, помогает хозяйкам. Такой подход к разделению труда показался мне довольно здоровым.

Скот в деревне тоже общий – целых три коровы и кобыла. Ещё держат домашнюю птицу и свиней. Одежду и обувь производят самостоятельно, хотя дело это крайне трудоёмкое. В общем и целом, жизнью народ доволен.

– А моряк этот откуда взялся? – поинтересовалась я.

– Косарь в кои-то веки в море вышел, и нашел, – вздохнула женщина. – После шторма. Только он не рыбак. Судя по одежде, на большом корабле ходил. Матросом.

Да, мне тоже показалось, что на рыбака болезный не тянет. Вот не похож и всё.

Ещё я попросила рассказать о прошлой колдунье, чтоб хоть примерно понять нормальную линию поведения.

Оказывается, в деревне Вешенка, она занималась врачеванием, учила детей математике и читала им сказки. Но от местных держалась в сторонке, в дом никого не пускала, помощь сердобольных жителей отвергала.

– А тебе помощь нужна? – участливо спросила женщина. – Огород вскопать, или крышу поправить?

Я потупилась и покраснела. Если уж немощная старушка ничего не просила, то мне и вовсе не положено. Я вообще не умею просить, а давать распоряжения и подавно.

– Только одно. Мне придётся и ночью к вам придти, точнее не к вам, к моряку...

– Проводим! – догадалась хозяйка, расцвела очередной улыбкой. – И встретим!

... Знакомство со старостой было похоже на новогодний салют. Огромный, пропахший рыбой мужик с заметной проседью в бороде, прыгал до потолка и радовался, как ребёнок. Я даже испугалась немного. Остальная часть кружка рыболовов тоже сияла, но, в отличие от старосты, обниматься не лезла. Зато провожали меня всей деревней, только хорошо это, или плохо, так и не поняла.

На следующий день я занялась покраской дома. Как благоразумная девочка, краску выбрала самую дешёвую и надёжную – масляную. Первым, кто оценил мой выбор, стала крыса. Выскочила из щели в полу и пулей улетела в открытую дверь. Я повторила её подвиг через пятнадцать минут. Когда же решила оторваться от бранных дел и попить кофе, выяснила – запах краски проигнорировал границу между мирами и прочно обосновался в моей квартире. И я решила на эксперимент.

Вооружившись оптимизмом, вышла в дом у моря и закрыла дверь. Колени сразу задрожали, сердце замедлило бег. Но когда вновь потянула за ручку, взору предстала всё та же квартира. Попробовала запереть дверь на ключ – получилось. Осмелев, несколько раз проверила

исправность механизма и успокоилась: со стороны деревни Вешенка ключ работает в том же режиме. Значит, уходя можно не беспокоиться, что какой-нибудь любопытный житель королевства проникнет в другой мир.

Когда моя смелость перешла в наглость, я открыла дверь обычным ключом и недоумённо уставилась на забитый книгами чулан. В основном тут были советские учебники для младших классов и книги сказок, но попался ещё томик Бунина и пара потрёпанных книг из серии «ЖЗЛ». А что, для неразвитого мира библиотека вполне подходящая.

Чтобы покрасить фасад, пришлось вытащить стремянку. На ней меня и поймал Косарь.

– Чем тут пахнет? – настороженно спросил он. – Плохо пахнет. Я бы сказал, воняет! А что это за странная лестница?

– Волшебная, – с улыбкой ответила я.

Парень, который намеревался потрогать стремянку, отдернул руку и отскочил на добрых три метра.

– Да ладно тебе, не бойся. Она не кусается.

После вчерашнего знакомства с местным начальством, и прогулки на ночной укол под ручку с Косарем, я немного осмелела.

– Нанананастя, а что ты делаешь?

– Настя, просто Настя, – улыбнулась я.

Бровь Косаря встала вопросительной дугой. Признаваться, что при знакомстве заикалась от страха, не стала:

– На-на-на-настей меня зовут только в очень важных случаях!

Нет, всё-таки масляная краска – зло. Токсичные испарения, галлюциногенный эффект, пьяные шуточки.

– А, – понятиливо протянул детина. – Старостиха сказала, тебе помощь нужна. Говори, всё сделаю. Если надо, ещё кого-нибудь подряжу.

– Я цветник хочу разбить. Вон там, под окном, вскопать нужно, – стыдливо проблеяла я, мысленно прикидывая как отплатить парню. Использовать рабский труд нищих деревенских жителей я точно не собираюсь.

– Легко! – просиял Косарь. Метнулся за дом и вернулся со странной штуковиной, сильно похожей на весло. – Я как знал! – радостно продолжил он. – Вот, лопату захватил!

Со стремянки я не упала, но краски на землю плеснула с королевской щедростью. Осторожно, медленно спустилась вниз, отложила кисточку и уставилась на инструмент в руках здоровяка. Нет, это не лопата, это всё-таки весло.

– Она деревянная, – тоном опытного психиатра сообщила я.

Лицо парня вытянулось, глаза наоборот – округлились. Может я действительно нанюхалась до глюков?

Косарь очнулся быстро, чем лишний раз подтвердил уже замеченную мной сообразительность. Молча, как и подобает мужчине, взял весло и отошел в сторону. А потом легко вонзил его в землю. Настала моя очередь выкатывать глаза и терять подбородок. Точно нанюхалась.

Я подскочила к Косарю, выхватила весло и попробовала сделать то же самое. Не вышло. Кончик деревянной лопаты вошёл в землю на пару сантиметров, не больше.

– Ты слабая, – констатировал парень, радостно оскалился.

– Стоп!

Спорить с огромным простоватым детиной опасно. Я решила доказать делом, благо лопату уже купила. Быстренько метнулась в московскую квартиру, схватила инструмент и, на глазах изумлённого землекопа, выковыряла довольно глубокую ямку.

– Но она... железная! – воскликнул Косарь возмущённо.

– Волшебная, – хмуро поправила я.

Уже вечером, побегав по интернету, я узнала, что русские крестьяне тоже копали землю «вёслами», аж до середины двадцатого века, но на тот момент, даже не подозревала о такой дикости. Молча, протянула лопату обалдевшему Косарю. Он не отпрыгнул, но и руки не протянул.

– Возьми. Попробуй.

– Так она ведь волшебная... – с сомнением произнёс парень.

– Я тоже волшебная. Меня ты трогал и ничего страшного не случилось.

Щёки Косаря стали малиновыми. Наверное, я перегнула с аргументами. Зато лопату парень всё-таки взял. И пока я докрашивала стену, деревенский оболтус едва не докопался до нефти.

Вторым сюрпризом стало появление хорошенькой рыженькой девушки, которая принесла большой пирог и кувшин молока. Девица осторожничала так, будто шла по минному полю напрямиком в объятия врага. Меня и воняющий домик обошла по широкой дуге, робким воробушком прижалась к Косарю.

– Я обед принесла, – пискнула рыженькая. – Для всех. Для обоих.

Парень расправил плечи, бросил хитрый взгляд на меня и громогласно заявил:

– А что, Любка! Хошь я тя с колдуньей познакомлю?

Та выкатила пугливые серо-голубые глазки и задрожала.

Вот ведь гад!

Я торопливо вытерла руки о джинсы и поспешила познакомиться сама. Оказалось, девушку смутил мой наряд, ну и запах краски, конечно. Рыженькая была сестрой Косаря, первой красавицей деревни. Пообщавшись с ней десять минут, сделала ещё один вывод – не все красавицы заносчивы. Или это какой-то неправильный мир? Какое-то ненормальное королевство?

Обедали сидя на земле, приближаться к крыльцу деревенские отказались наотрез. Громче всех паниковала Люба, которая совершенно не спешила нас покидать.

После того, как я переоделась в «приличное», мы отправились в деревню. Косарь очень хотел прихватить с собой лопату, но я не разрешила – наверное, не стоит шокировать народ волшебными вещами. Рано. Да и рассказ старостихи в памяти всплыл, про указ архиепископа и королевских ищеек...

Спальня моряка встретила меня прежним неприятным запахом. Сам виновник торжества стонал и кашлял, открывал глаза, но взгляд был мутным. Прежде чем вколоть положенные лекарства, я осмелилась провести дезинфекцию: распахнула окно, благо погода тёплая, достала заготовленную бутылку водки и марлю.

Необходимость этих мер вызывала сомнения, обнаженное мужское тело смущало жутко, только отступить было некуда. Откинув одеяло, принялась обтирать. Если микробы не погибнут, то хотя бы порадуются. В следующий раз нужно принести для него чистые простыни – если здесь люди сами делают ткань, значит постельное бельё в дефиците.

Ближе к вечеру, распивая кофе на крыльце своей лачуги, я окончательно утвердилась в мысли, что попала в рай. Только этот рай очень дорого стоит. Покупка семян и саженцев – кроме цветника, я решила обзавестись ещё и садиком – съела большую часть моих сбережений. Лекарства для моряка тоже облегчили кошелёк. А ещё хорошо бы купить мебель и кое-какие инструменты.

Да и местному населению придётся помогать – не могу смотреть как народ возится с деревянными лопатами и ткацкими станками. Это дикость, самая настоящая. Конечно, делиться

результатами наших технологий не совсем разумно, но, в конце концов, я ведь не пистолет какой-нибудь притащить собираюсь.

В общем, деньги нужны, как воздух.

Эх, окажись на моём месте Ленка, она бы вмиг организовала туристический бизнес. Желающих хоть на час вырваться из Москвы и окунуться в море – пруд пруди. Но я на такую аферу не решусь. С моим везеньем о домике даже заикаться нельзя. Отберут.

Нужно придумать что-то другое, менее опасное. Вот только что?

Хорошая мысль посетила на второй кружке кофе и утром я принялась воплощать её в жизнь.

Московские рынки – штука своеобразная. Это нечто среднее между восточным базаром и европейским супермаркетом. В воздухе витает аромат специй, прилавки ломятся, цены кусаются почище самого злобного бульдога. И внимание продавцов чересчур пристальное, даже страшно становится.

Я набрала в грудь побольше воздуха и решительно направилась к рыбным рядам.

Здесь было всё, даже осьминоги. Румяные, довольные жизнью продавщицы, наперебой расхваливали товар, зазывали. Я скользила взглядом по ценникам, нервно сглатывала – неужели кто-то действительно готов платить такие деньги? Попутно вглядывалась в лица продавщиц – нет, не то. Наконец, наткнулась на улыбчивого дядечку с горбатым носом и характерным акцентом:

– Вай! Дарагая! Какую рыбку тэбэ хочется?

Прищурилась. Мужчина в белом фартуке на продавца совсем не похож. Слишком холёный.

– Вы хозяин?.. – спросила я, кивая на прилавок.

– Канэшна! Скидка тэбэ сдэлаю! Большой!

– А можно с вами поговорить? По делу?

Улыбка мужчины стала ещё шире, обнажив белые, идеально ровные зубы. Уж не знаю, что вообразил торговец, но, кивнув кому-то из соседей, со скоростью урагана выбраться из-за прилавка. Я отошла на несколько метров от торгового ряда, увлекая за собой сияющего продавца.

– Вай, какой красивый дэвушка! – заученно воскликнул джигит. – Работа ищеш?

Я протянула мужчине пакет с двумя рыбинами, позаимствованными у старостиhi. Сказала осторожно:

– У меня есть много такой рыбы, могу продать. Дёшево.

Улыбка с губ торговца не сползла, но лицо стало напряженным. Он заговорил совершенно нормальным голосом, без тени акцента:

– А документы у тебя есть? Сертификаты, СЭС?

В ответ состроила жалобную мину и помотала головой.

В меня вперился колючий, оценивающий взгляд. Показалось, слышу как шевелятся его извилины, вычисляют – правду говорю, или это спланированная провокация Роспотребнадзора или какой-нибудь ушлой телепрограммы.

– Рыба хорошая, – тихо пояснила я. – Не краденая. Качество можете проверить, никакой заразы нет.

– И сколько?

– А сколько нужно? – спросила я, хоть и не поняла о чём речь – о цене или количестве.

– Давай так, – вздохнул джигит. – Ты покажешь сколько есть, а я решу сколько брать. По деньгам договоримся на месте. Меня Ахмедом зовут, – он протянул руку.

– Настя, – пискнула я. – Только рыба будет вечером, а забрать её можно ночью.

– Да? – недоверчиво сощурился он.

– Рыба хорошая, клянусь. Вы сами всё увидите. И дёшево...

Ахмед нехотя взял у меня телефон, обещал позвонить вечером. Дело оставалось за малым.

На последние деньги купила тридцать пластиковых ящиков и побежала договариваться со старостой деревни. Конечно, это следовало обговорить сразу, но кто же знал, что всё срастётся так быстро?

Уговаривать старосту не пришлось – улов в этот день был огромным, хотя просьбе он удивился сильно. На закате, у моей лачуги выстроился ряд плетёных корзин, доверху забитых рыбой. Тушки бились и брыкались, пытались выпрыгнуть и сигануть в море. С помощью изрядно озадаченных Косаря и Любки, перегрузили улов в ящики, и тут началось самое трудное.

Мои помощники категорически отказались входить в дом, а сама поднять ящик весом в тридцать килограммов, из которого то и дело выпрыгивают чешуйчатые бестии, не могла. Пришлось идти к Марии Петровне и вымалить у неё тележку.

После случая в аптеке встреча с соседкой особой радости не вызывала. Прежде чем позвонить в дверь, я сочинила целую легенду о том, как трудно мне живётся, и приготовила целый ворох благодарностей от больного «родственника». А вот придумать зачем же мне понадобилась тележка, так и не смогла.

Но Мария Петровна повела себя на удивление тактично: ни одного вопроса не задала, только улыбалась в ответ на комплементы. Что же случилось с каргой? Неужели, на старости лет, злобная сплетница решила исправиться?

Вторая часть «марлезонского балета» случилась, когда первый ящик перекочевал через порог моей квартиры. Несколько рыбин тут же выпрыгнули, заскакали по полу. Одна ломанулась в спальню, вторая помчалась на кухню, оставляя липкий след на паркете. Ой, чувствую, отмываться от этой сделки придётся долго.

Ближе к полуночи, я растянулась на полу прихожей, среди горы вонючих ящиков и нескольких взбесившихся тушек, и поняла: идея – дрянь. Мобильник тут же запищал, не слишком ласковый голос Ахмеда сообщил:

– Настя, мы приехали. Но это, кажется, жилой дом.

От слов «мы приехали» сердце споткнулось. Сообразила, наконец, что собираюсь продать гору контрабандной рыбы сомнительным горцам. Перед глазами промелькнули кадры криминальной хроники, к горлу подступил ком. Но пасовать поздно.

– Всё верно. Заходите.

Заперла дверь волшебным ключом, повернула в замке обычный. На пороге стоял Ахмед, за его спиной двое смуглых мордоротов в спортивных костюмах. Меня отодвинули в сторону одним движением руки, впрочем, я не сопротивлялась.

– Это всё? – спросил джигит.

– Ага, – проблеяла я.

Торговец пристально осмотрел один из верхних ящиков, нахмурился. Парни за его спиной казались бесстрастными статуями.

– Выносите, – скомандовал Ахмед мрачно.

От этой парочки рыба сбегать не пыталась. Видать оцепенела от страха.

Пока грузчики освобождали мою прихожую от морепродуктов, Ахмед по-хозяйски осмотрел квартиру, скривился. Конечно, квартирka-то старенькая, последний ремонт лет сто назад делали. Мебель советского периода интерьер тоже не красит, а маленькая плазма водруженная на стул придаёт общей картине оттенок фарса.

Ну и пусть! Увидят, что кроме рыбы брать с меня нечего, глядишь, в живых оставят.

– Бедно живёшь, – заметил Ахмед.

Я промолчала. Отступила к стене.

Как только из прихожей исчез последний ящик, торговец закрыл дверь. И хотя его головорезы остались снаружи, чувствовала себя крайне неудобно, начала шарить взглядом в поиске чего-нибудь тяжелого.

– Ты рискованная девушка, Настя, – голос торговца пробрал до костей. Он вздохнул, извлёк из кармана перевязанную резинкой пачку. – Я не буду спрашивать откуда у тебя эта рыба, но если будет ещё – звони.

Глава 4

Я и сама превратилась в водоплавающее. Вывалившись на зелёную траву у лачуги, глотала воздух и в истерике била плавниками. Любка и Косарь, которые обязались дожидаться моего возвращения, глядели на это действие обеспокоенно.

– Что случилось? – пробасил Косарь. – Тебя кто-то обидел?

Замотала головой, всё ещё не веря, что всё обошлось. Чёрт, какая же я дура!

– Настя... – осторожно позвала Любка.

– Всё в порядке, – выдохнула я, усаживаясь прямо на землю. – Нужно пересчитать деньги.

Местные оживились:

– Деньги? Неужели кто-то дал за эту рыбу монеты? Не может быть! Покажи!

Когда я извлекла на свет пачку купюр, деревенские скисли.

– Ты обменяла несколько корзин рыбы на это? – выгнул бровь Косарь.

– Да ну вас!

В свете фонарика, я пересчитала выручку и настроение резко улучшилось. Сто тысяч! Хотя тут же пришло разочарование – продешевила... С другой стороны, документов на эту рыбу у меня нет, и налоги платить не нужно, да и вообще... Правда, меня, как неудавшегося юриста, незаконные сделки всё-таки напрягают, но с совестью договориться смогу.

Главное – я нашла способ зарабатывать!

Следующим утром, после посещения хворого моряка, отправилась в хозяйственный магазин. Чтобы дотащить покупки, пришлось нанимать такси, но оно того стоило.

В итоге, у домика на холме выросла гора сокровищ. Подоспевший к обеду Косарь едва не свалился в обморок. Три десятка лопат, тямки, вилы, железные вёдра и кастрюли повергли парня в шок. Я с гордостью объяснила, что это плата за вчерашнюю рыбу.

– Вот это да! – протянул Косарь. – И это за несколько корзин?

– Это ещё не всё, – улыбнулась я, чем окончательно добила несчастного. – Нужно показать вещи старосте. Если ему понравится такой обмен, сможем продавать всю пойманную рыбу туда, – я кивнула в сторону домика. – Но мне понадобится твоя помощь.

Смелый Косарь попятился.

– Косарь? – тихо спросила я. – Ты ведь не боишься?

Парень заметно напрягся, побагровел, на щеках заходили желваки.

– Не боюсь, – выпалил он, даже шаг вперёд сделал. – Но нам нельзя заходить в дом. Там смерть.

Кажется, это я уже слышала. На секунду меня охватило сомнение: что если правда? Что если переход в другой мир кого-то из местных невозможен? Вдруг портал испепелит улыбчивого Косаря? Нет, не может такого быть. Если я смогла, значит и он сможет.

В дом парень зашел дрожа. Но небеса не разверзлись, молнии не полыхнули, даже земля не провалилась. На всякий случай, я прикрыла входную дверь, взяла его за руку и повела ко второй двери.

– Ты только не волнуйся. Ничего страшного там нет. И ещё... не удивляйся.

Косарь шумно сглотнул, сжал мою руку так, что косточки захрустели. Порог моей квартиры переступал с закрытыми глазами, дышал, как перепуганный заяц – часто и мелко.

– Всё хорошо, – ласково сказала я. – Всё получилось.

Он приоткрыл один глаз, вздрогнул. Следующие пятнадцать минут мы медленно ходили по квартире, трогали вещи и приходили к выводу, что бояться действительно нечего. Холодильник не кусается, унитаз не плюётся ядом, шкаф не спешит прожевать и выплюнуть.

– Ну как?

– Не знаю, – растерянно отозвался парень, пожал плечами. – Тут очень красиво.

– Ладно, бороться с шоком цивилизации будем постепенно. А сейчас запомни главное: ничего не бойся и никому не рассказывай как выглядит это место.

– Понял, – бухнул Косарь и, кажется, немного расслабился.

А когда мне удалось договориться о временной аренде подвала, который располагался прямо под моей квартирой, расслабиться смогла и я. Всё та же Мария Петровна, выполнявшая функцию старшей по подъезду, попросила совсем немного денег, допытываться зачем мне это нужно не стала. Единственной её просьбой было – не водить в подвал рок-группы и сатанистов. Вручая ключ от навесного замка, Мария Петровна светилась, как стоваттная лампочка. Может зря я о ней плохо думала? Может старушка и впрямь добрая? В конце концов, с моей прабабушкой она дружила...

Вход в это помещение располагался напротив подъездной двери. Три ступеньки вниз и вуаля: довольно просторная и чистая комната, отгороженная от остального подвала прочной бетонной стеной. Говорили, это помещение организовал один из прежних управдомов, в советское время здесь проводили какие-то собрания и голосования. Иногда, жить в старом доме очень выгодно.

Старосте Вешенки мой план тоже понравился. Он с детским трепетом рассматривал лопаты и тяпки, а я озадачила его списком необходимых деревне вещей. Если фантазии деревенских не хватит – воспользуюсь советами интернета.

Следующую сделку с Ахмедом назначили на эту ночь, заготовили в три раза больше ящиков с рыбой, которую не просто перегрузили, но и рассортировали. Отдельно упаковали партию всевозможных морских гадов. Косарь готовился выполнять роль грузчика и моей охраны, заранее потел и нервно смеялся.

Но на этом хорошее закончилось...

– Очнулся болезный! – воскликнула старостиха, едва я, вооруженная шприцами и ампулами, переступила порог её дома.

Завидев меня, моряк насторожился, как загнанный в клетку хищник. Чёрные глаза объятые нездоровым блеском впились в моё лицо, брови съехались к переносице, и без того узкие губы сжались в тонкую линию.

– Что с ним? – спросила я шепотом.

– Не знаю, – так же тихо ответила старостиха, тоже напряглась.

Оставлять меня наедине с пациентом женщина категорически не хотела, а я прикидывала: если местное население уже познакомилось с прелестями лопаты, может стоит и тайну антибиотиков открыть? Нет, слишком много информации взорвёт неразвитый мозг. И как не брыкалась старостиха, ей всё-таки пришлось выйти. Напоследок женщина шепнула:

– Кричи, если что.

Спасибо. Подобные инструкции всегда воодушевляют.

Приблизиться к моряку я не решилась, присела на скамейку, приставленную к противоположной стене, спросила:

– Вы меня боитесь? Почему?

При попытке рассмеяться больной зашелся диким, выворачивающим кашлем, из хищных глаз покатались бессильные слёзы.

– Значит, не боитесь? Что тогда?

– Ты кто? – прохрипел моряк.

– Настя, – просто ответила я.

Ноздри моряка раздулись, плечи заметно напряглись.

– Почему вы так на меня смотрите? – не выдержала я. После того, как ворочала этого кабана, ставила ему уколы и унижалась ради него перед аптекаршей, поведение болезного выглядело махровой неблагодарностью.

– Ты девица? – в лоб спросил он.

Ну... как тебе сказать... Если смотреть с позиций вашего мира – нет, если с позиций моего... Чёрт, кого я обманываю?! Нет и нет. А вслух ответила:

– Да, конечно.

Лицо моряка расслабилось, на губах заиграла странная усмешка.

– Ну, в таком случае, можешь приблизиться, – нахально протянул он.

Я вскочила, кулаки непроизвольно сжались и начали чесаться. Что он себе позволяет? Да как смеет? Какой-то матрос будет рассказывать мне как себя вести?

– Я здесь для того, чтобы вас вылечить, – холодно отчеканила я. – Сейчас вам стало лучше, но если не завершить лечение, болезнь снова возьмёт верх и вы, скорей всего, умрёте. Хотите умереть?

Усмешка черноволосого моряка стала шире, гаже. В голосе зазвучала надменность:

– Да ладно тебе, не кипятись. Как лечить будешь?

– На живот перевернитесь, – проскрежетала я. – Пожалуйста.

– Зачем? – снова насторожился он.

После долгой игры в гляделки и нового приступа кашля, пациент сдался.

Я никогда не готовила шприцы с такой скоростью, и даже не подозревала, что слова «будет чуточку больно» могут принести столько удовольствия. Когда отбросила одеяло, моряк вздрогнул и напрягся так, что даже на ушах мышцы вздулись.

– Расслабьтесь, – скомандовала я, живо представляя как ломаю иголку об этот камень. Кстати, когда моряк был в отключке, его зад не казался таким идеальным, как теперь. – Ягодицы расслабьте, – уточнила я. А когда он попытался обернуться, рывкнула: – Расслабьтесь же наконец!

И со всей злости врезала по идеальной попе черноглазого.

Замер. Через несколько секунд и впрямь расслабился, но игла всё равно входила трудно. Мозоль там что ли? Второй укол прошел ещё труднее, моряк даже вскрикнул.

– Как вас зовут? – спросила я. Хотя зачем? Мне ведь совсем неинтересно!

– Рогор, – сказал, как каркнул.

– Я прихожу к вам каждые двенадцать часов, Рогор. Лечить буду ещё десять дней. После вы избавитесь от моего общества навсегда.

– Вот как?

Я молча схватила кружку кипятка, заранее приготовленную старостихой, всыпала в неё аптечный порошок. Как хорошо, что этот тип очнулся! Больше не придётся поить его, придерживая дурную голову и уговаривая бессознательное тело не выплёвывать лекарство.

– Выпейте это, – сказала, и мухой вылетела вон.

– Что? – тут же насторожилась старостиха.

– Мерзкий тип! – выпалила я, а сама призадумалась... нужно прояснить ещё один вопрос и, желательно, побыстрее.

Увы, интуиция не подвела. Шепотом, краснея и отводя глаза, старостиха объяснила, что девственность – это сокровище, главная ценность. Не сумевшая сберечь честь считается распутницей. Раньше таких казнили, теперь выгоняют с позором, или... пускают на общие нужды. В благочестивой Вешенке подобных случаев не бывало, а в соседней деревне пару веков назад, случилось. Шум стоял даже после того, как распутница померла, на тот момент ей было восемьдесят.

– А недавно, – шептала красная, как свёкла, старостиха, – в столице сделали отдельный дом, где таких девок держат. А в соседнем королевстве этих домов с десяток. Куда же мир катится?!

Ответ на вопрос я, естественно, знала... И, конечно, промолчала.

Ахмед осмотрел новую партию товара с большим интересом, ещё больше любопытства вызвал угрюмый, краснющий Косарь. Деревенский детина всё время стоял в сторонке, внимательно следил за каждым движением торговца.

– Мы можем поставлять рыбу каждый день, – сообщила я. – Объём сами видите.

Ахмед кивнул, всей пятернёй почесал горбатый нос.

– Хорошо. Возьму.

И хотя любопытство в бизнесе штука опасная, всё-таки спросила:

– А если продать не сможете?

– Заморозим, – просто ответил он. Потом кивнул на Косаря, спросил с хитрецей: – Жених?

Я хихикнула, а Ахмед наклонился ближе, прошептал с деланным акцентом:

– Если надоест, мнэ звони. У мэня чэтыре сына и дватцать плэмянников! За пять минут замуж выдам!

Сумма новой сделки сделала мою улыбку ещё шире, аж щёки заболели и губа в уголке треснула. Я одарила трудолюбивого Косаря тёплым взглядом, и только теперь сообразила чему удивлялся Ахмед. Мало того, что Косарь похож на былинного богатыря: русые волосы, серо-голубые глаза, плечи – шире не бывает, мускулатура – мечта бодибилдера, так он ещё и одет... как Илья Муромец в начале карьеры, когда только-только с печи встал. Да, это прокол.

– Косарь, а давай-ка мы с тобой чаю попьём! – торжественно предложила я.

Чай парню не понравился, от кофе он вообще переплевался, ну а когда я попыталась снять с него мерку – покраснел и чуть не сбежал. Долго и терпеливо объясняла зачем это нужно, в итоге плюнула и решила купить одежду «на глазок».

– Что ещё нужно деревне? – спросила я.

Косарь хмуро огляделся по сторонам, будто моя квартира и есть магазин, пробухтел:

– Обычно, мы меняемся на муку, мясо, соль и кожи. Иногда берём глиняные горшки. Если совсем повезёт, можно выменять топор или нож.

Почему в районе деревни такие проблемы с железом, мне рассказали – все месторождения расположены на противоположном конце страны. Живность в достаточном количестве местные разводить не умеют, да и пасти её толком негде. С солью, видимо, тоже беда. Значит, с этого и начнём. Ещё можно попробовать обогатить их флору, тем более сейчас весна, самое время для посадок. Только таскать всё одной...

– Косарь! У меня родилась ещё одна отличная идея!

Чтобы подобрать одежду на здоровяка-Косаря, пришлось обойти три магазина. Говорят, современный человек крупнее и выше, акселерация процветает, и вообще гормоном роста питаемся, а одежду продают маленькую и узкую. Где логика?

Парень долго упирался, никак не хотел примерять, но едва влез в джинсы – приклеился к ним, как кот к пузырьку валерьянки. Поглощённый модными переживаниями, не сразу сообразил, что идём в чужой, совершенно незнакомый мир.

– Главное – не нервничай! – объясняла я. – Представь, будто идёшь по родной деревне. На самом деле, Москва и есть деревня. Честно. Вот увидишь! Постарайся не слишком пялиться по

сторонам, ни с кем не разговаривай. И ещё, нам предстоит покататься на волшебных повозках, но ты не робей. Если закружится голова – скажи.

От переживаний у самой подгибались ноги, спотыкалась на каждом шагу. Когда дошли до метро, страх превратился в ужас, чтоб не упасть пришлось схватить Косаря за руку. Тёплую, сухую, сильную руку!

– Ты чего дрожишь? – пробасил парень.

– Боюсь.

– Кого?

Косарь стоял невозмутимым айсбергом и сиял, как прожектор. Вот хитрюга! Я тут распинаюсь, объясняю, переживаю за него, а он...

– Почему ты так спокоен? Ты ведь боялся стремянки, лопаты, моего дома в конце концов. Верзила пожал плечами.

– Я понял: если буду пугаться – не смогу тебя защитить. Ты маленькая и хилая, любой обидеть может.

И всё? Так просто? Мужчины! Странные, нелогичные, непонятные!

– Давай уж, веди к своим волшебным повозкам, колдунья.

...По садоводческой ярмарке Косарь ходил с невозмутимым, каменным лицом.

В основном, по торговым рядам прогуливались женщины, их взгляды были завистливыми и до чёртиков приятными. Изредка, встречались мужчины, эти глядели на моего спутника как на товарища по несчастью, кивали с сочувствием. Продавцы Косарю тоже не завидовали, а я давилась смехом.

А вот когда отвезли два набитых доверху такси к моему дому, выгрузили несколько тонн саженцев, и отправились смотреть топоры, деревенский здоровяк дрогнул. И хотя обещал ни с кем не общаться, так сцепился языком с консультантом, что сочувственные взгляды начали посылать мне...

Третьим пунктом нашей мега-экскурсии стал строительный рынок. Тут покупок не планировалось, просто хотела, чтобы Косарь посмотрел что из этого добра может пригодиться деревенским. Как назло, опять наткнулись на топоры... И понеслась. Обсуждение перешло в спор, а спор превратился в лекцию Косаря о принципах заточки и использования топора, на которую сбежались все окрестные продавцы. В итоге, нам пообещали бешеные скидки на любые товары, в любое время суток.

Домой я шла со скоростью улитки-инвалида, зато мой деревенский приятель светился таким счастьем, что проезжающие мимо машины притормаживали. Удивительно быстро освоился, как ему удалось?

– Нужно ещё в продуктовый зайти, – проблеяла я. – У меня кофе закончился.

– Та чёрная гадость? – скривился Косарь. – Как ты её пьёшь?

– С удовольствием. В больших количествах.

Мы завернули в мини-маркет, расположенный рядом с домом. Грузоподъёмность Косаря позволяла набрать еды на пару месяцев, но сил выбирать просто не было. Да и зачем? Сердобольная старостиха взяла заботу о моём рационе на себя, каждый раз потчевала борщами, пирогами и кашами.

Я схватила банку кофе и поплелась к кассе, предоставив неуёмному спутнику самостоятельно промчаться по магазину. И тут меня подкараулил самый неприятный из всех возможных сюрпризов...

– Настюха! Сколько лет! Сколько зим!

Голос я узнала сразу, похолодела. На несколько секунд пожалела, что я ненастоящая колдунья – была б настоящей, смогла бы провалиться под землю, или просто исчезнуть. Вместо этого пришлось натянуть на лицо улыбку и ответить:

– Привет, Вася. Как поживаешь?

– Лучше всех! – Он просто светился радостью, плевался ей, как бенгальский огонь искрами. – Скучаешь по мне?

Конечно... Я скучаю по всем бывшим парням. Каждый день о них думаю...

На самом деле, Вася был не просто «бывшим», а самым ярким и очаровательным парнем на курсе. Я влюбилась по уши, как только увидела. Мечтала о нём, в порыве страсти даже стихотворение какое-то написала. Но о чувствах своих, конечно, молчала. Боялась и стеснялась до чёртиков. Потом случайно столкнулась с ним во дворе прабабушкиного дома, оказалось, живёт по соседству. На этой почве мы и подружились.

Он начал ухаживать. Небрежно, нехотя... А я всё равно была счастлива. Роман продлился два месяца, разбитое сердце болело год. Вася разорвал отношения очень некрасиво, на глазах у всех. Потом рассказывал друзьям о моих сексуальных пристрастиях и умениях. Громко рассказывал, сама слышала. Я даже из института уйти хотела, но одумалась... чтоб вылететь на следующий год.

– Кстати, ты плохо выглядишь, Настюха. Голодаешь? Родители как? Не простили?

Ещё одной отличительной чертой Васи была прямота, граничащая с хамством. И нездоровый интерес к чужим проблемам. Впрочем, тому, у кого собственных нет, чужие, порой, доставляют двойное удовольствие. Сразу вспомнила, что одета в неприглядные джинсы, простенькую, дешёвую кофточку и старые, как шкура мамонта, кроссовки.

Я почувствовала себя маленьким, гадким червяком, разрезанным и помещённым под увеличительное стекло. В груди заныло.

– Нет, не простили.

– Сочувствую, – радостно произнёс Вася. – Мои на всё лето на дачу уехали. Может, в гости зайдёшь? Покувыркаемся. Как раньше. А? Я тебя накормлю.

– Я не голодаю, Вася. Просто не выпалась и весь день по магазинам пробегала.

– Да ладно, – подмигнул он. Наглый, лоснящийся, довольный жизнью.

Рядом неожиданно выросла громадная гора – Косарь.

«Только молчи! – мысленно взмолилась я. – Засмеёт! И тебя, и меня!»

Деревенский верзила просьбы, увы, не услышал.

– Это кто? – бухнул громила.

Бывший однокурсник присвистнул, глянул с уважением.

– Вася, – сообщил он, протягивая руку.

Косарь внимательно осмотрел раскрытую ладонь парня и не пожал – деревенским просто не знаком такой способ приветствия.

– Можно я его ударю? – спокойно, без тени злости, спросил Косарь.

И я поняла – теперь улыбаюсь искренне. Мелкая месть, детская, а всё равно приятно. Вася не отступил, не убежал в панике, просто побледнел, но этого было достаточно.

– Нам пора, – тихо сказала я. – Передавай привет ребятам.

Едва вышли из магазина, Косарь пристал с расспросами. Только объяснять жителю целомудренной Вешенки смысл наших с Васей отношений не стала. Тот, сперва надулся, но вернувшись в домик на берегу моря оттаял – купленные саженцы требовали немедленного распределения и посадки.

А вот меня ждала ещё одна неприятная встреча...

– Ну здравствуй, Настя, – хамовато протянул Рогор-моряк. Второй раз за день я почувствовала себя крайне некомфортно. – Ты ведь нездешняя?

Есть такой особенный тип людей, сказать которым «ты» просто язык не поворачивается. Я ответила с подчёркнуто-вежливой интонацией:

– А вам какая разница?

– Интересно.

– На живот перевернитесь, пожалуйста.

Перевернулся. Но даже это движение получилось каким-то хамовато-наглым. На секунду почудилось, будто передо мной Вася. Я безжалостно вогнала иголку в мышцу. Эх, нужно было колоть по центру синяка, который остался от предыдущего, не слишком удачного, укола.

– Говорят, у тебя жених есть, – не унимался больной. Слишком разговорчив для умирающего, может стоит ещё разок окунуть его в море? И, чёрт побери, почему его это интересует?

– Помолчите.

– Неужели действительно хочешь связать судьбу с деревенским увальнем и до конца дней возиться в навозе?

Ничего не понимаю. Какое это имеет отношение к делу? Что происходит? Какого рожна чахоточный мореплаватель рассказывает мне про навоз? Мерзкий тип, до того противный, что дрожь пробирает и желудок к горлу подкатывает.

– У меня нет жениха, – ответила я, закипая. – Ближайшие пару лет вообще замуж не собираюсь.

– А старой девой остаться не боишься?

Ну что за вопрос? Мне двадцать лет! По меркам моего мира это почти детство!

– Когда вы лежали без сознания, лечить вас было гораздо приятнее.

Умолк. Проводил странным, хитрым взглядом.

Где его только откопали? Не моряк, а пират какой-то! С замашками психоаналитика.

Чувство неприязни оказалось до того стойким, что даже вернувшись домой продолжала кривиться несколько часов кряду. На следующий укол нужно взять с собой Косаря – после того, как парень покатался на Метро, шприцы его не удивят. Зато не в меру разговорчивый моряк, наверняка, присмирееет.

Глава 5

Жизнь завертелась неугомонной юлой.

Мужчины ловили рыбу, женщины и ребята внимательно сортировали, раскладывали по ящикам. После, в несколько заходов, перевозили улов к моей лачуге. Увы, телега, запряженная единственной лошастью, через лес проехать не могла, ящики приходилось возить на маленьких, ручных тележках. Тут их подхватывал Косарь, переправлял в подвал московского дома. Я с сомнением смотрела на его усилия, предлагала привлечь к работе и других, но Косарь наотрез отказался. Заявил:

– Чем меньше людей знает секрет твоего колдовства, тем лучше.

Сам ходил барином, на вопросы любопытствующих отвечал с важностью, но ни одного лишнего слова не говорил. Ещё больше меня удивляла его осмотрительность – Косарь сам догадался, что появляться в деревне в джинсах не стоит, по крайней мере, ему. Но всякий раз, расставаясь с любимыми заморскими портками, грустил и подозрительно хмурился.

Теперь ездить на торг в соседний город стало бессмысленно – весь улов уходил в крепкие руки Ахмеда. Зато у деревни появилась другая потребность – склад для хранения добра, вырученного за рыбу. Под это дело отрядили пару молодых рыбаков, стройка пошла довольно резво.

В результате наших первых покупок, луг, отделяющий деревню от леса, превратился в сад. Увы, для этого пришлось скосить дорогие моему сердцу одуванчики. Пока сад выглядит неприглядно, но через пару лет здесь вырастет настоящий витаминный завод.

Новые огородные культуры вызвали множество споров среди населения. Однако староста топнул ногой, и даже несогласные принялись сажать кабачки с баклажанами, особый сорт огурцов, а так же невиданную ягоду со странным названием «томат».

Больше всего огородников удивила «культурная» малина, а я с круглыми глазами слушала рассказы о лесной. Пыталась представить каково это – ползать по чащобе с лукошком. Лично меня такие подвиги не воодушевляют.

Самой большой проблемой стали закупки мяса. Качество нашей говядины привело Косаря и всех стряпух деревни в шок. Стали прикидывать как бы купить... пару десятков телят. Я вообразила глаза соседей, когда начну затаскивать в свою квартиру мычащее стадо, и наотрез отказалась.

Ответ нашелся довольно быстро – кролики! Да, это не только ценный мех, но и вполне съедобное мясо, которое быстро плодится и питается банальной травой. Выслушав эту идею, Косарь сильно удивился. Пришлось везти его в частное фермерское хозяйство. И если к жизни города парень был довольно равнодушен, то на ферме восторгов не скрывал. Мы скупили всех крольчат. Ещё к ним добавились цыплята какой-то особой породы. Другой живности на ферме, к счастью, не было.

Через неделю поняла – моя жизнь превратилась в непрерывную торговую сделку: по ночам – продажа рыбы Ахмеду, днём – беготня по рынкам и магазинам с Косарем. Времени на сон минимум, про отдых вообще забыла.

И ещё, за этими заботами, даже не заметила, как выпала из привычного мира. Я больше не включала телевизор, интернетом пользовалась редко и только по делу. Даже мобильный был выключен и забыт, потому что единственный человек, с кем нужно постоянно поддерживать связь – Ахмед, но он уже без звонка приезжает.

С этими мыслями, я подошла к зеркалу и замерла в ужасе. Я и раньше красавицей не была, а теперь превратилась в сущее чудовище: лицо осунулось, под глазами расцвели тёмные круги, нос обгорел, губы обветрились. Думаю, если бы на мне пахали, видок был бы лучше, причём в разы.

Под впечатлением, вывалилась на берег моря и замерла с распахнутым ртом. Только сейчас по-настоящему осознала, что пока устраивала продовольственный рай для отдельно взятой деревни, местные жители разбили у моего домика цветник, посадили небольшой сад и уже примеривались организовать огород. Мир за эти дни преобразился до неузнаваемости – расцвёл, обрёл новые, по-летнему яркие краски. В воздухе появились новые ароматы, а на одном из старых деревьев свила гнездо какая-то пичуга. Вокруг шумело море, к которому я больше не спускалась, над головой светил желтый кругляш солнца. Лёгкий солёный бриз ласково трепал волосы, целовал щёки.

Как странно, я ведь уже настолько привыкла к этой красоте, что просто перестала её замечать. Даже на тихой окраине королевства Ревмид умудряюсь жить в ритме мегаполиса.

– Мне нужен выходной, – ошарашено прошептала я. – Срочно!

Я была готова сию минуту отодвинуть все заботы, нарядиться в купальник и принять позу звезды (благо рядом никого), но внутренний голос ехидно напомнил, что у меня есть минимум одно неотложное дело. Моряк, будь он неладен!

Отчаянно шмыгнув носом, я пошла переодеваться в «приличное», то есть в прабабушкину юбку. Местное население уже привыкло к облегающим джинсам, но Рогора травмировать не стоит, он и без того ненормальный.

Походы к моряку оставались единственной обязанностью не связанной с обустройством местного быта. Но я их ненавидела. Больной умудрялся меня раздражать даже в присутствии Косаря. Даже когда молчал, вызывал нервный тик и желание вогнать иглу шприца поглубже.

Почему я хожу к моряку под охраной в деревне не спрашивали, списали на причуды колдуньи. Только старостиха знала чуть больше остальных. А именно: моряк меня пугает и слегка бесит.

В этот раз мне предстояло топать к Рогору самостоятельно – Косарь занят постройкой клеток для кроликов. Подозреваю, что в помощники к нему навязалась вся деревенская детвора. И это не удивительно – кролики вызвали в Вешенке настоящий фурор. Как же: заяц не под кустом, а в клетке. Невидаль! Диво дивное!

Зато сегодняшнее посещение моряка должно стать последним. Курс уколов кончился, а таблетки он и без меня проглотит. Авось не отравится. А если и отравится – не жалко.

Я сложила лекарства в матерчатую сумку и распахнула дверь.

Как говорится, сюрприз – это такой подарок, о котором твоя жертва даже не подозревает. Я не подозревала. Представить не могла. Так что сюрприз удался, а я чуть не сделалась зайкой.

Моряк, как ни в чём не бывало, стоял на пороге моей квартиры и широко улыбался. Огромный, как скала. Здоровущий. Я сразу почувствовала себя микробом, инстинктивно попятилась.

Он был одет в кожаные штаны странной выделки, широкую светлую рубаху нездешнего покроя и сапоги, подозрительно похожие на обувь старосты. Густая щетина бесследно исчезла, и хотя после болезни лицо исхудало, выглядел Рогор неплохо. Не красавец, но что-то есть...

Прежде чем я успела обрести голос и возмутиться вторжению, спросил:

– А где твой телохранитель?

Ой.

Даже не ой, а ой-ой-ой!

– Здесь, со мной, – тут же нашлась я. Порой, удачная ложь лучше удачной шутки.

– Жаль. Но я всё равно зайду.

Одним лёгким движением Рогор отодвинул меня в сторону и переступил порог. Отчаянно хотелось крикнуть «Караул! Убивают!», но от страха язык прилип к нёбу и сердце оста-

новилося. Рогор тем временем, преспокойненько закрыл дверь на ключ, а связку спрятал в карман. В том, что мой обман разоблачён уже не сомневалась.

Мне стало по-настоящему дурно. Хамоватый моряк заметил, подмигнул.

Тут же осмотрелся и стянул вторую, обычную, связку, которая висела на гвоздике, чуть в стороне от двери. А мне пришлось опереться о стену, потому что ноги отказались повиноваться.

Рогор подошел близко-близко, наклонился, шепнул с таким видом, будто доверял мне государственную тайну:

– Веди, Настя.

– К-к-куда?

– В койку.

...Эти три шага были самыми долгими в моей жизни. Рогор шел следом, нависал, как грозовая туча. Едва вошли в спальню, моряк потянулся к ремню, а я зажмурилась, не в силах вынести это унижение.

Из оцепенения вывел насмешливый голос:

– Мне долго ждать?

– А?

Он лежал на моей кровати лицом вниз, над приспущенными штанами красноречиво сияли две упругие ягодицы.

– Укол, – ехидно напомнил Рогор. – Или ты надеялась на что-то другое?

Я вспыхнула факелом, покраснела до кончиков ушей. Боже, как нелепо! Как стыдно! Руки стали деревянными, голова – каменной. Мама дорогая, за что мне такой позор?

– Долго ещё? – и хотя в голосе моряка прорезались ворчливые нотки, улыбка кричала, что он готов смотреть на моё смущение вечно.

– Ладно, – справившись с испугом, пробормотала я. – Но этот укол ты запомнишь на всю жизнь, зараза.

Я сделала всё, чтобы Рогор испытал незабываемые ощущения, но он даже не пискнул.

– Чтобы окончательно победить болезнь, вам придётся продолжить пить лекарства. Моя помощь здесь уже не понадобится. – Вытащив из сумки два суконных мешочка, в которые пересыпала необходимые таблетки, отдала их Рогору. – Пить после еды, утром и вечером.

Он поднялся, не глядя сунул лекарства в карман. Присутствие такого громадного мужчины делало и без того небольшую спальню крохотной. Хорошо хоть кровать выдержала эту тушу, а ведь могла сложиться пополам.

– Ладно, – ухмыльнулся моряк. – Чем угостишь заморского гостя?

– Ключи отдай.

– Всею своё время, Настя. Мы ведь никуда не торопимся, верно?

После того, как Рогор подставил спину, бояться я перестала. Зла он точно не причинит, зато нервы явно помотает. Эта догадка придала храбрости, я сумела взглянуть прямо, с дерзостью бойцового котёнка.

– А если там Косарь под дверью стоит?

– Постоит и уйдёт.

– Нет, он не уйдёт. Начнёт беспокоиться и злиться.

– Пусть злится, ему не мешает.

– Рогор!

Губы моряка дрогнули. Улыбка, которая и так держалась на них словно приклеенная, стала шире.

– Не кипятись, Настя. Давай посидим, поболтаем. Чаю попьём, в конце концов.

– Ты... Ты знаешь что такое чай?

– Пробовал пару раз, – отозвался Рогор и, не дожидаясь пока выйду из ступора, двинулся на кухню.

Если он ещё и чайник включит, то я позвоню 03 и прыгну в руки санитаров. И решетки на окнах меня не остановят.

Но к чайнику моряк не притронулся, просто водрузил свой зад на табуретку и замер в ожидании. Даже вздрогнул, когда электрический кувшинчик зашипел, подогревая воду. А когда я вручила ему дымящуюся кружку, слегка скривился. Значит, если и пробовал этот напиток, то не сильно проникся.

– А может кофе? – осторожно предложила я.

– Нет!

Интересно, интересно... И когда ж это Рогор успел приобщиться к благам нашего мира? И главное – где?

– Был у нас один колдун, – пояснил моряк. – Потом сгинул ни с того, ни с сего. Умер, наверно.

– А «у нас» – это где?

– В Горанге.

Очень информативно, просто с ума сойти.

Следующий вопрос задать не успела – дверной звонок разразился неистовым щебетом. От неожиданности подпрыгнула, Рогор тоже перепугался. Гадкая улыбочка наконец-то исчезла с его лица.

– Ко мне пришли, – не без злорадства сообщила я.

– Как пришли, так и уйдут, – неожиданно парировал Рогор. – Ты лучше вот что скажи...

Ты действительно замуж не собираешься?

Ну вот! Опять двадцать пять! Что за игру затеял этот черноглазый бес?

– Нет.

– А Косарь об этом знает?

– Причём здесь Косарь?

Голос моряка прозвучал по-бандитски хрипло:

– Ты действительно слепая или притворяешься?

– Мы с Косарем друзья, – неуверенно ответила я.

– Вот как? – и снова эта улыбочка, чёрт бы её побрал! – Он думает совсем иначе. А деревенские уже подарки к свадьбе готовят...

– Что?! Какие ещё подарки?

Мой вопрос потонул в новой нетерпеливой трели. Раньше дверной звонок не казался столь громким. Моряк отставил кружку, сам придвинулся. Его глаза утратили ехидные искорки, это всерьёз насторожило.

– Настя, тебе действительно нравится такая жизнь?

– Что? Какая?

– Ты ведёшь себя как мелкий купчишко. Это недостойно, Настя. Перед тобой целый мир, а ты занимаешься глупостями.

– Любая работа достойна, – отчеканила я. В глубине души вспыхнула злость.

– Согласен. – Рогор был предельно серьёзен. – Но если можешь добиться большего, размениваться на мелочи – преступление.

Я смирила моряка пристальным взглядом. Ответный вопрос прозвучал не слишком вежливо:

– И что же мне делать?

– Уходи. Уходи из этого, – он обвёл глазами кухню, – мира.

Такого предложения я не ожидала.

– Ну уйду, а дальше-то что?

– Запри эту проклятую дверь и выброси ключ.

– С ума сошел?

В третий раз звонок не чирикал, а орал. Причём надсадно и крайне противно. Едва смолк, на дверь обрушился град ударов, они звучали гораздо громче, у меня даже уши заложило.

– Отдай ключи, – я требовательно протянула ладонь. Рогор сомневался несколько секунд, после встал и сам направился к двери.

Он спокойно вставил ключ, повернул. Мгновенье мной владела надежда – моряк благо-разумен, он решил уйти в свой мир, оставить наедине с настырным гостем. Но когда дверь распахнулась, вместо ветхой лачуги взгляду предстала...

– Настя! – возопила разъярённая темноволосая женщина, в которой не сразу узнала сестру. Настроение и без этого было не слишком радужным, теперь упало в бездну. – Настя!!! Как ты посмела!

Натка будто не заметила Рогора, оттолкнула, промчалась в кухню. Её глаза метали молнии, на щеках алел недобрый румянец, а кулаки выглядели крайне опасно.

– Что ты себе позволяешь?! Что ты здесь устроила?!

– Я...

– Как только додумалась? Как посмела?! Вот для чего тебе отдельная квартира понадобилась!

– Для че...

– Притон! – проревела Натка. Показалось, ещё немного и сестрица ударит себя кулаком в грудь, окончательно уподобится разъярённому Тарзану. Увы, вместо этого, удар получила я... Пощёчина оказалась до того звонкой, до того болючей, что звёздочки перед глазами вспыхнули. – Алкоголичка! Проститутка! Что, думала мы не узнаем? Мать третий день в слезах! Отец чуть инфаркт не схватил!

– Я...

– Молчать!

Рука Натки снова взметнулась в воздух, новая пощёчина оказалась ещё больней.

Я попыталась вскочить, объяснить...

– Сидеть!

Я никогда не умела спорить. И ещё... мне с детства внушали, что старшую сестру нужно слушаться. Во всём.

– Вот значит как! – продолжала бесноваться Натка. – Мы там ютимся, а ты тут... проститутка! Посмотри на себя! Во что ты одета! Это что? Бабкины вещички? Свои уже пропила, да? Ну ты и мразь, ну ты...

– Хватит.

Голос Рогора прозвучал подобно громовому раскату. Натка вздрогнула, а через секунду молнии в её глазах стали злей, кулаки снова сжались. Всё... пощёчины закончились, сейчас начнётся страшное.

– А вот и наш хахаль! – протянула сестра. Взгляд, которым она одарила моряка, мог оплавить гранит. – Ну и чучело!

Рогор благоразумно молчал.

– Мда... Хорошо устроилась, сестричка. Мы там ютимся, а ты здесь козла какого-то обхаживаешь. Проститутка...

– Хватит, – повторил черноглазый. В его голосе было столько холода, столько власти, что Натка попятилась.

Натка испугалась? В это поверить сложнее, чем в волшебный ключик и параллельный мир.

– Хватит, – в третий раз это слово прозвучало совсем жутко.

– Ка... Как ты смеешь? – орать Натка перестала, перешла на менторский тон.

– Смею.

Лицо Рогора превратилось в камень. Я бы поостереглась стоять рядом с ним, но Натка всегда отличалась смелостью. Гордо задрав подбородок, сестра приготовилась сказать что-то обидное.

– Молчи, – приказал моряк. – Единственное, что тебе сейчас дозволено – извиниться перед Настей.

Сестра пошла пятнами. Я, кажется, тоже.

– Не надо, – пробормотала я. – Не надо извинений. Я всё объясню. Натка, ты неправильно поняла. Это не притон. У меня всё хорошо, я работаю.

– Да?..

– Работаю, – торопливо повторила я. – И...

Рогор смотрел возмущённо. Наконец, не выдержал:

– Зачем ты оправдываешься? Перестань!

– Я...

– Чёрт бы вас побрал, – пробормотала Натка.

Стоило Рогору сдвинуться с места, сестра рванула к выходу со скоростью баллистической ракеты. А я осталась в полном недоумении.

Натка сбежала. Даже не отчитала как следует. Разве так бывает? Нет. Не бывает. Мне померещилось. А может я действительно алкоголичка и проститутка? Может королевство Ремвид, домик у моря, Рогор – всего лишь галлюцинации? Или я без всякого алкоголя... сошла с ума? От бесконечных унижений и нищеты...

– Чего хотела эта женщина?

– А?

Я вздрогнула всем телом. Рогор сидел напротив, на той же табуретке, сжимал в ручищах чашку. Чай ещё не остыл, от него по-прежнему шел едва заметный парок.

– Квартиру...

Брови моряка чуть приподнялись, пришлось пояснить:

– Квартира принадлежала моей прабабушке, она умерла полтора года назад. Всё имущество баба Саша отписала мне.

– Желание умершего – закон.

– Знаю. Но у Натки... У неё уже семья. Муж, дочка маленькая. Они хотели переехать сюда, а я... Знаешь, впервые в жизни решила настоять на своём.

– Почему?

Рогор задал самый больной вопрос, сердце сжалось. Я не смогла совладать со слезами, крупные, горячие капли покатались по щекам. Ненавижу плакать на людях, я и без того выгляжу жалко.

– Бабушка просила. И не просто просила, умоляла. Последние полтора года, когда она чахнуть начала, к ней только я и ездила. А она словно чувствовала, твердила постоянно: тут ты обретёшь настоящее счастье. Баба Саша очень хотела, чтобы я была счастлива. Сейчас мне кажется, она единственная, кто действительно любил меня.

А Натка... Натка живёт с родителями. У них четырёхкомнатная квартира, большая, в сталинском доме... И коридор большой, племяшка на велосипеде по нему гоняет...

– Не плачь, – прошептал моряк. – Всё образуется.

– Нет. Я зря послушалась. Зря переехала в эту квартиру.

– Это говоришь не ты, а твои слёзы.

Где-то, на грани рассудка, я понимала – моряк прав, но визит Натки, мой сбивчивый рассказ, всколыхнули самые жуткие воспоминания. Казалось, снова переживаю похороны бабы Саши и ужасный скандал, который последовал за ними.

– Видишь, – вновь заговорил черноглазый, – тебе нельзя здесь оставаться. Этот мир не для тебя. У нас лучше.

Рассуждения моряка вызвали лёгкую улыбку, истончили пелену слёз.

– В твоём мире я нужна до тех пор, пока работает эта дверь. Кто я без ключа? Никто.

– Ты не права, Настя. Ты обладаешь знаниями, которых нет у нас. Они гораздо важнее лопат и тяпок. Ты можешь переехать в столицу...

– Не смей!

– Не веришь? Тогда пойдём со мной.

– Куда? На борт вёсельного судёнышка? Матроской?

Тут же представила себя в тельняшке и шапочке с заливчатской лентой. Стильно, ничего не скажешь.

– Отдай ключи, – устало попросила я. – Мне пора возвращаться в... в твой мир.

– Я провожу, – отозвался Рогор.

Чёрт, этот парень издевается? Или он всерьёз решил поухаживать? Смешно, ничего не скажешь. Впрочем, мужская глупость и не на такое способна.

Волшебный ключ привычно открыл дверь в лачугу. Она была пуста. Увы, Косарь не дежурил под дверью. Видимо, мой компаньон по-прежнему строгал доски и строил клетки для кроликов.

Моряк без лишних слов вернул обе связки, одарил печальным взглядом и побрёл прочь.

– Кстати, а зачем ты всё-таки приходил?

Рогор развернулся, замер. А потом в один шаг оказался рядом и сгрёб в охапку. Хотела крикнуть, но воздух в лёгких вдруг кончился, ноги подкосились, а в голове зазвенели тысячи колокольчиков.

Я не поняла: то ли он сам наклонился, то ли приподнял меня, но наши губы неожиданно встретились, мир померк. Реальность закружилась в бешеном ритме и рассыпалась в прах, когда Рогор отстранился.

– Ты принадлежишь мне, – чуть слышно прошептал черноглазый.

И тут я очнулась.

– Что?!

– Ты принадлежишь мне, – повторил моряк ласково.

– Да неужели? – заорала я. – С чего ты это взял? Я что, по-твоему, вещь?

На заносчивой физиономии проступило лёгкое удивление, во взгляде появилась настороженность. Я попыталась высвободиться из кольца рук, но не смогла – слишком крепко держит, зараза!

– Ты ответила на поцелуй, – сказал Рогор.

– Это было минутное помешательство, кретин!

– Кто? – окончательно опешил черноглазый.

– Пусти меня, засранец! – Капкан ослаб и я, что было сил, рванулась в сторону. – Ты отвратительный, мерзкий, совершенно неинтересный тип! Понял?

Моряк стоял как громом пораженный, хлопал глазками и не дышал. А я – решительная и независимая – круто развернулась и шагнула к двери. Но меня настигли, развернули обратно и припёрли к стенке, в прямом смысле. В чёрных глазах полыхал очень недобрый огонь...

– Ты ответила на поцелуй, – вкрадчиво сообщил моряк, – значит, я тебе нравлюсь.

Ого! В наших мыслях появилась логика!

– Не нравишься. А если не отпустишь: я закричу, явится Косарь и свернёт тебе шею.

– Он не услышит. Он слишком далеко.

Резонно. А котелок у парня варит... в отличие от моего.

– Отпусти.

– Как хочешь, – бесцветно ответил он. И действительно отпустил.

Я осталась в одиночестве, у распахнутой двери междумирья.

Чёрт, ну почему мне так не везёт? Опять напоролась на самонадеянного типа с длинными ручищами. И откуда такие берутся? Дайте автомат – всех расстреляю.

Глава 6

Утро началось с истерики.

Едва я, вооруженная длинным списком нужных вещей, распахнула дверь, на меня набросился Косарь.

– Ты говорила с этим гадом? Наедине?!

И хотя полночи промучилась воспоминаниями о встрече с Рогором, не сразу сообразила, что речь о нём.

– Откуда ты знаешь?

– Что?! – взревел Косарь.

Упс. Наверное, надо было сперва признаться, потом покаяться, а уж в самом-самом конце спросить откуда дует этот ветер.

– Извини. Он сам пришел.

Чёрт, что со мной? Ещё один глупый ответ и Косарь меня по стенке размажет.

– Зачем ты егопустила?

– А у меня выбора не было.

Показалось, из ноздрей Косаря вот-вот повалит дым, а его нога с минуты на минуту взроет доски, как простой песок.

– Ты хоть понимаешь, что натворила? Ты понимаешь, что это опасно?

Я пожала плечами. Конечно понимаю, но сделанного не воротишь. К тому же, ничего ужасного не случилось, так о чём волноваться?

– А если он расскажет о тебе, о твоём колдовстве? Знаешь, что будет?! Ищейки архиепископа тебя живьём закопают! И нас заодно!

– погоди... а он разве...

– Да! – воскликнул Косарь, грозно потрясая кулаками. – Он ушёл! Он ушёл, чтобы выболтать наши секреты!

Ушёл. От этой новости внутри что-то оборвалось. А ведь он говорил... а я не обратила внимания. Впрочем, какая разница? Мне судьба моряка совершенно безразлична.

– Нет, Рогор никому не расскажет, – уверенно ответила я.

– Ещё как расскажет!

– Нет. Я чувствую, я знаю. Он не проболтается.

Что-то в моём облике заставило Косаря отступить. И хотя парень по-прежнему выдыхал огонь, стало ясно – буря миновала. Его голос прозвучал сдержанно:

– Он просил передать, что вернётся за тобой.

– Чего? – изумилась я.

– Ничего, – пробубнил Косарь, явно довольный моей реакцией. – Я ему лодку продал.

– Продал? А у Рогора что же, и деньги были?

– Были. Когда выловил, у него кошель на поясе болтался. Я в него не заглядывал, но мешочек увесистым был. И вот он этими монетами с деревней расплатился, за лечение, за постой. И со мной, за лодку. Только лучше бы просто так ушёл, без благодарностей.

– Почему?

– Да потому... Потому, что монеты эти не нашенские. Рогор, оказывается, из Горанга.

– А что это? – насторожилась я.

– Горанг! – выпалил Косарь, с таким видом, будто я должна сразу понять и грохнуться в обморок. Но я падать не собиралась, только глазами хлопала. Наконец, деревенский здоровяк сдался. – Соседнее королевство. Плохое королевство. Там... Там люди такие... страшные. Да и вообще...

– Ты можешь объяснить?

Парень помялся, ответил нехотя:

– Горанцы не умеют жить мирно, всё время с кем-нибудь воюют. Два года назад и на нас напали, половину северных земель разорили. Скольких убили – даже подумать страшно. И дерутся нечестно. У них... маги. Не такие как ты, настоящие. И молнии из пальцев пускают, и огненные шары выдыхают... Придёт такой маг в селенье, рукой махнёт и всё, одно пепелище осталось. А потом вороньё на печёное мясо слетается...

Вот те на! Час от часу не легче!

– А у вас, у Ремвида, магов нет?

– Откуда им взяться? – Косарь пожал плечами. – Раньше у нас колдуны вроде тебя были, но они в войне не помогали, чуть что – прятались. А настоящие маги тут не рождаются, земля не та. Источник магии только в Горанге есть, вот они и зверствуют. Горанг от нас податей требует...

Ох, ну и мирок. А с виду такой простой, такой милый.

– А далеко до Горанга?

– Отсюда? Отсюда далеко. Он с севера к Ремвиду примыкает.

Ну, хоть одна хорошая новость.

– Да ладно, не грусти! – сжалился Косарь. – Если и впрямь войной пойдут, за дверью своей спрячешься и всё. И моряк этот вряд ли до Горанга доберётся, особенно на лодке. Там и рифы, и теченье такое, что не всякий вёсельный корабль справится.

– И архиепископу Ремвида Рогор ничего не скажет, – в тон продолжила я, – он ведь горанец.

Косарь заметно смутился. Маленькая ложь, с которой здоровяк начал этот разговор, выглядела теперь очень глупо. А я ведь и вправду поверила, испугалась. Может он и в остальном лукавил?

Допустим, в Горанге действительно есть маги. Допустим, это воинственное королевство и впрямь хочет поработить Ремвид. Но почему эта история всплыла только сейчас? Почему местные жители ведут себя как ни в чём не бывало?

Вывод один – у Косаря крыша от ревности подвинулась, вот и начал запугивать. Вывести его на чистую воду не сложно, но делать этого не следует, иначе совсем с катушек слетит. Притворюсь, что поверила, отряхнусь и пойду дальше.

– Ладно, хватит об этом, – скомандовала я. – У нас дел по горло.

Парень смерил придирчивым взглядом, прищурился.

– Ты бледная. Тебе бы отдохнуть...

– Обязательно отдохну. Завтра. А сегодня есть дела поважнее.

Мы действительно устроили выходной, но случилось это только через неделю.

К тому времени деревенские успели достроить сарай, а мы с Косарем купили несколько тонн соли и сахара. Приволокли несколько коробов спичек и мыла, которое вызвало в деревне фурор – до моего появления вешенцы и понятия не имели о столь полезном девайсе. И массу другого полезного барахла.

Отдельной песней стала покупка стеклянных банок, крышек и закаточных машинок. Ну и соответствующее обучение местных, конечно. Женщины, кажется, не поверили, что консервированные продукты можно хранить несколько лет, но рецепты и технологию записали.

К слову, грамота в этих краях оказалась распространённым знанием, только я прочесть их каракули не смогла. Странно: говорить с населением могу, а вот читать – никак! Наверное, это как-то с действием портала связано.

Ещё нам удалось купить партию нормального мяса. В этом деле, что совсем неудивительно, помог Ахмед. После мы договорились об оптовых поставках простейшей ткани, кото-

рую можно выдать за текстиль домашнего производства, чтобы попробовать продать на местной ярмарке. Ведь, как ни крути, внутренняя валюта тоже нужна, на всякий случай.

Досок и прочего строительного мусора тоже накупили выше крыши. В этот раз в экстазе было всё мужское население деревни. Косарь гордо рассказывал соотечественникам о волшебных свойствах листового железа, впрочем, предлагал сверху застилать его соломой, для конспирации. То же относилось к другим... специфическим материалам. Народ слушал и кивал.

Косарь вообще не переставал меня удивлять. Он действовал очень точно, очень грамотно. Из всего многообразия благ моей цивилизации выбирал только важное. Ни одного шага в сторону не сделал, будто для него не существовало соблазнов. Кроме джинсов, конечно. И что особенно радовало – Косарь всерьёз думал о конспирации.

Если б ни его заботы, я бы вырастила на месте Вешенки пряничный городок, с блестящими крышами и пластиковыми окнами. А так... внешне деревня почти не изменилась, только сад появился и всё.

В первый выходной, я, наконец, выпалась. После лёгкого завтрака, надела купальник и отправилась к морю.

Армия, которая занималась моим огородом и бытом (добрые деревенские жители начали возводить для меня нормальный дом, рядом с лачугой) была отослана восвояси. Косарю была поручена торговая разведка в ближайшем городе королевства, а я, в кои-то веки, осталась одна!

Последние несколько дней солнце палило нещадно, вода превратилась в парное молоко. Сбросив лишнюю одежду, я рыбкай занырнула в море и плавала, пока губы ни посинели. Морской воздух пьянил, солнце сладострастно ласкало кожу, кружило голову. Каждая клеточка моего тела понимала – я в раю!

Я улеглась на берегу, приняла позу звезды и попыталась представить своё будущее.

Наше общение с Ахмедом приносит довольно крупные дивиденды, дело налажено. Но рыба – явление сезонное, нужно найти другие товары для продажи. Осенью, например, можем попробовать торговать белыми грибами, их здесь тонны. Поделки местных жителей легко маскируются под изделия народных промыслов моего мира, хотя зарабатывать на подобных сувенирах трудно. Сбор целебных трав тоже не самое прибыльное предприятие, хотя... копейка рубль бережет, как говорится. Если собрать воедино весь мелкий бизнес, можно неплохую империю построить.

Но главное – я могу восстановиться в институте. Денег хватает. И совместить учёбу с работой будет теперь гораздо проще.

Чёрт, а я и не знала, что жизнь может приносить столько удовольствия!

Только откуда это гнетущее чувство, будто забыла о чём-то важном?..

Возвратившись домой, нашла и включила мобильный телефон. Экран нехотя мигнул красочной заставкой, а спустя пять минут завизжал, как до смерти испуганный поросёнок. Сообщения о непринятых звонках посыпались лавиной. Надо же... Кто же так сильно скучал?

Будто подслушав мои мысли, телефон разразился новой нетерпеливой трелью. Определитель выплюнул на экран лаконичную надпись: «Артём, админ». Поколебавшись, нажала кнопку приёма и услышала:

– Аллю! Настя! Привет!

– Привет, Артём, – бодро ответила я.

– Ты почему на звонки не отвечаешь? Я уже беспокоиться начал! Как поживаешь?

– Нормально.

После недолгой, но красноречивой паузы, Артём сказал:

– Знаешь, я извиниться хотел. Неправ был. Зря тебя уволил. Может вернёшься?

– Нет, – отчеканила я. Но тут же взяла себя в руки, объяснила: – Я нашла другую работу. Платят неплохо, так что...

– Ладно... Но за деньгами хотя бы заедешь? Ты ведь не думала, что действительно без зарплаты оставлю?

Я колебалась недолго:

– Конечно. Когда приехать?

– А давай сегодня? Сейчас половина третьего... К пяти сможешь?

– Смогу, – с улыбкой ответила я.

Разговор оборвался, оставив после себя странное ощущение.

С одной стороны, извинения Артёма приятны, с другой... наше расставание относится к тем эпизодам жизни, о которых хочется забыть раз и навсегда. У меня холодок по спине побежал, едва вспомнила тот бесконечно далёкий день, и старая привычка разыграла: мысленно начала оправдываться перед администратором, перед Ленкой, перед блондинкой...

Я ведь действительно сплеховала. И Артёма под неприятный разговор подставила, и блондинке аппетит испортила. Нужно было промолчать, или другие слова найти, а я... Что обо мне теперь думают? Презирают, наверное. Нужно извиниться, тортик какой-нибудь подарить...

И ещё нужно извиниться перед сестрой. Она ведь не просто так примчалась, беспокоилась за меня. И вспыхнула не на пустом месте, от страха.

Наскоро одевшись, побежала в цветочный магазин. Мой заказ поставил продавщицу в тупик. Пришлось звонить Ахмеду.

Выслушав вопрос, торговец мгновенно включил фальшивый акцент, ответил:

– Вай, дарагая! Сотня алых роз? Да лэрко!

– А доставку сделать сможете?

– Для тэбя – хоть Луну с нэба!

– Отлично! Я очень-очень на вас надеюсь! А записочку в букет вложите?

– Канэшна!

Фух... Одним важным делом меньше. Может, получив подарок, Натка отгадет и перезвонит? Даже если не простит, на душе станет чуточку спокойней. А за год-другой накоплю достаточно денег и куплю ей отдельную квартиру. В два раза больше этой.

Следующим номером программы стал поход к парикмахеру. Угрызения совести тяжелы, но предстать перед бывшими коллегами замухрышкой совсем не хочется. За какой-то час из меня слепили вполне симпатичную девушку, осталось только одеться и накраситься.

Благодаря настойчивому Косарю, в моём гардеробе появилось несколько очень приличных вещичек, но с одеждой решила не рисковать. Надела джинсы и лёгкую белую блузу. Скромно, но со вкусом. Сунула в карман мобильник и несколько купюр – таскать с собой сумочку неохота, не сегодня. Чуть-чуть подвела глаза, подкрасила губы и выпорхнула за дверь.

– Настя?

Ох уж мне эти встречи, одна другой лучше... Но голос Марии Петровны прозвучал так приветливо, так ласково, что я даже нахмуриться не смогла.

– Здравствуйте, – я кивнула соседке, одарила её широкой улыбкой.

– Ой, какая ты сегодня красивая! Собралась куда?

– Нужно заехать на старую работу.

– Надолго?

Я невольно насторожилась, ответила не сразу:

– Как получится.

– Ты не пугайся! – Мария Петровна расплылась в улыбке. – Просто сантехник вечером заглянуть должен, сток проверить. А то ведь у нас с тобой первый этаж, всё к нам льётся. Ежели чего засорится, как пойдёт вверх без предупреждения...

– Да, да, – перебила я торопливо. Слушать подробности о том, как чего бурлит, пахнет и выливается на паркет, совсем не хотелось, а для Марии Петровны эта тема была одной из любимых – старушка тридцать лет прожила на первом этаже, вопрос изучила досконально.

– Он вообще-то раньше обещался, но где-то авария, так что задерживается. Ты мне ключи оставь, на всякий случай. Я впущу, если придёт. И присмотрю, конечно.

Я и раньше доверяла соседке ключи, но учитывая новые особенности моей двери, вручать Марии Петровне связку было страшновато.

– Ты носишь с собой два комплекта? Зачем? – искреннее удивилась соседка.

– На всякий случай. Вдруг один потеряется.

– А... – многозначительно протянула Мария Петровна.

Под её пристальным взглядом, я запихнула связку с волшебным ключиком в карман, и уже развернулась, чтобы уйти, но любопытная соседка не отпустила.

– А где же твой ухажёр?

– Какой ухажёр?

– Светленький такой. Большой. Или у тебя ещё какой есть?

Интересно, когда я состарюсь, тоже буду приставать к молоденьким соседкам и выпрашивать? Или ограничусь простым подглядыванием в дверной глазок?

– У себя, – тихо ответила я. – Дома. Только он не ухажёр...

– Ну конечно! – понимающе воскликнула старушка, озорно подмигнула. И продолжила, снизив голос до заговорческого шепота: – Ладно, потом поболтаем. А то у меня там каша выкипает...

Благодаря Марии Петровне, тортик купить не успела. Так и явилась – с пустыми руками и виноватыми глазами.

Ресторан, в котором проработала целых три месяца, ничуть не изменился. Все тот же полумрак, лёгкий запах сигаретного дыма, смешанный с ароматами кухни. Унылый бармен лениво трёт стаканы, одинокий посетитель ковыряет салат, периодически прикладывается к пузатой кружке пива. У барной стойки две девчонки в белых накрахмаленных передниках. Одна усиленно тычет пальцем в кнопки мобильного, вторая считает мух.

– Ленка? – тихо позвала я.

Официантка оторвалась от арифметических упражнений, недоумённо взглянула на меня. Через секунду узнала, хорошенькие губки сложились бантиком, в глазах вспыхнули смешинки.

– Настюха! – взвизгнула девушка, бросилась ко мне.

В горячих объятьях Ленки едва не расплакалась.

– Стой тут! – скомандовала подруга. – Сейчас Артёма позову! Или пройдёшь в кабинет?

– Нет, лучше здесь. Может кофе выпьем? Посетителей всё равно нет.

– Не могу... – вздохнула Ленка. – Сама понимаешь... инструкция, правила...

– Ладно. Зови Артёма.

Она умчалась, а я махнула второй девушке, попросила чашечку «эспрессо». Не знаю что на меня нашло, но присела именно за тот столик, с которого начались мои приключения. От осознания того, что по этой столешнице недавно растекалась собачья лужа, стало чуточку противно.

Прибежал всклокоченный Артём. Со времени последней встречи, администратор заметно поправился. Если бы он не предложил вернуть деньги, решила бы, что на мои кровные отожрался.

– Как поживаешь? – выдохнул Артём, подсаживаясь за столик. – Хм, ты загорела? Отдыхать ездила? Куда?

– Да так. Это не отдых, скорее командировка.

– А... – завистливо протянул парень. – Новая работа...

В его руках появился тощий белый конверт. Голос администратора прозвучал гордо:

– Здесь всё. И чуть-чуть премии.

Мда... После пачек, которые каждую ночь вручает Ахмед, конвертик не впечатлил. Только эти деньги дались гораздо трудней. Они ценнее. Но главное не в этом...

– Артём, ты извини меня. Я ведь в самом деле решила, что не заплаतिшь. Мне так стыдно теперь. Стыдно, что подумала о тебе плохо.

– Настя! Ну я же не вор какой-нибудь! – администратор посмотрел выжидательно, потом продолжил: – Вот недавно один клиент ноутбук у нас забыл...

И снова пауза. Липкая какая-то, неприятная.

– И?... – подтолкнула я.

– Я вернул. На следующий день вернул. Я ведь не вор. Понимаешь?

Интонации Артёма изменились, но эти перемены были едва заметны.

Я украдкой огляделась. Ресторан пуст, единственный посетитель уже допил пиво и исчез. За витринными окнами обычный пейзаж, у входа припаркована пара невзрачных автомобилей. Никаких признаков взбалмошной блондинки, которой когда-то принадлежали ключи от сказочной лачуги.

Может и намёк Артёма померещился?

Призвав всю наглость, на которую способна, я выдавила из себя улыбку, сказала:

– Я отойду на минутку, ты не против?

– Куда?

– В туалет, – заговорчески прошептала я.

По лицу администратора пробежала тень беспокойства.

– Сейчас точно конфуз случится, – добавила я, сделала большие глаза.

– Ну так беги! – вдруг развеселился Артём.

Боковым зрением заметила – за окном промелькнуло что-то красное. Отчаянно хотелось повернуть голову, но я заставила себя смотреть прямо.

Стараясь держаться непринуждённо, встала и поспешила в уборную. Подмигнула Ленке и её новой напарнице, махнула рукой бармену, он как раз выставлял на стойку мой «эспрессо».

За занавеской, отделяющей комнаты с буквами «М» и «Ж» от ресторанного зала, свернула влево. Оказалось, одинокий посетитель ещё не ушёл, он деловито застёгивал ширинку и очень удивился, увидев меня.

– Девушка, это мужской туалет!

– Знаю, – сообщила я, проскальзывая в последнюю кабинку.

К счастью, и здесь всё осталось по-прежнему. Единственное окно, через которое в ресторан пару раз залезали воры, так и не удосужились зарешетить. Всё-таки в скупости Артёма есть свои прелести.

Я распахнула створку, подтянулась, взбираясь на высокий подоконник. Окно выходило во двор, маленький и захламлённый. Спрыгнув на кучу мусора, едва не подвернула ногу.

Ну всё. С меня хватит. Это последнее приключение. С завтрашнего дня станю затворницей. Общаться буду только с Ахмедом и вешенцами. Видимо прав был моряк, когда говорил, что этот мир не для меня. А я, глупая, не поверила.

Оказавшись на улице, сразу заметила красный «Феррари», припаркованный у входа в ресторан, развернулась и поспешила к метро.

Адьо, Артём. Больше ты меня не увидишь.

Чёрт, какая я всё-таки глупая. Доверяю каждому встречному-поперечному, смущаюсь по любому поводу, соглашаюсь со всеми. Потом ещё удивляюсь, почему жизнь складывается так, а не иначе. Правильно говорила Ленка – характер нужно воспитывать, переступать через себя, если потребуется.

Вот послала бы Артёма куда подальше, и ничего бы не случилось. Не было бы этого неприятного разговора, не было бы угрызений совести. А теперь что? Чувствую себя воровкой. Он ведь нарочно это слово выбрал.

А блондинка, стало быть, поняла, где ключи потеряла. И хуже всего то, что о волшебных свойствах ключа знает, иначе не примчалась бы. Не стала бы уговаривать Артёма заманить меня на встречу.

Чёрт, я ведь и конверт с последней зарплатой не забрала! Дура. Дважды дура.

И что теперь будет?

Блондинка – девушка с большими возможностями, это невооруженным глазом видно. Значит, рано или поздно, меня найдут и, в лучшем случае, отберут ключи. В худшем, и самом вероятном, ещё и прикопают в каком-нибудь лесочке.

Нужно что-то придумать, причём срочно. Жаль, посоветоваться не с кем, разве что с Косарем. Только задачка эта не для его интеллекта, деревенский мачо подобный ребус не решит. Может Ахмеда спросить? Этот без труда проворачивает такие аферы, рядом с которыми моя проблема – чих.

Неожиданно ожил мобильный, запел знакомую мелодию. Глянув на экран, невольно улыбнулась, ответила:

- Привет, Ахмед! Только что о тебе вспоминала. Долго жить будешь.
- Очень на это надеюсь, – отозвался южанин хмуро. – Ты где сейчас?
- Из метро вышла, к дому подхожу.
- Тогда слушай внимательно. У нас проблемы...

Глава 7

Как нас нашли – не понимаю. Ахмед уверял, что продаёт эту рыбу только проверенным клиентам, причём о существовании некой Насти молчит, как партизан. Обо мне только узкий круг его родственников знает, но они скорее умрут, чем выдадут – я слишком ценный партнёр, слишком много денег приношу.

Если люди Ахмеда не причём, тогда кто?

Я никому про контрабанду не рассказывала, только жителям Вешенки. Но проще уверовать в непорочное зачатие соседской кошки, чем поверить, будто мои друзья из параллельного мира сообразили позвонить в ОБЭП и Роспотребнадзор...

Финансовых следов мы с Ахмедом не оставляли. Он рассчитывался наличным, я тоже деньгами не «светила», все крупные покупки совершала через того же Ахмеда. Только один раз связалась с банком – завела крошечный счёт, там всего-то двести тысяч, на учёбу. Не думаю, что эта сумма могла стать поводом для таких неприятностей...

Впрочем, когда в гости едет пара автобусов ОМОНа и чёртова прорва всевозможных инспекторов, это не неприятности, а катастрофа. Причём с большой буквы.

Чёрт, ну что за день сегодня?

Я мчалась к дому как укушенная. Нужно срочно предупредить Косаря об отмене ближайшей сделки, а самой спрятаться на морском берегу. Иначе быть мне в наручниках, спать на казенном матрасе.

Спрячусь, пережду бурю, через месяц-другой вернусь. Заодно придумаю новую, безопасную схему, может быть пойму, где прокололись. А там, глядишь, всё снова наладится. К тому же, если сидеть ниже травы, то и блондинка вряд ли отыщет. Чёрт, наверное, эта катастрофа к лучшему! Вот только...

У двери подъезда встала столбом. Связка волшебных ключей в кармане, а вот обычные ключи у Марии Петровны остались, без них в подъезд не попасть.

Обращать на себя внимание соседки не хочется, но деваться некуда. Пришлось позвонить в домофон. Время будто остановилось, гудки казались бесконечно долгими, тягучими, как расплавленная карамель. Мария Петровна не ответила.

Я позвонила ещё раз – ничего. Неужели проклятый сантехник уже пришел и соседка теперь торчит в моей квартире? И как в этом случае воспользоваться волшебным ключом?

В другой квартире тоже не ответили, и в третьей, и в четвёртой. По телу пошла нервная дрожь, коленки начали подгибаться. Что делать? Бежать?

Рядом пискнуло и дверь, наконец, открылась. Ещё одна пенсионерка, кажется с третьего этажа, медленно выплывала на улицу. Перед ней тянула поводок растрёпанная серая собачонка. Меня мгновенно облаяли, а когда прошмыгнула в подъезд – ещё и обматерили. Я искренне хотела извиниться, но слова застыли в горле, а ноги всё-таки подогнулись. Преодолеть три ступеньки, отделявшие от лестничной клетки, не смогла.

– Ч... Ч... Ч... – единственное, что сумела сказать.

Завидев меня, Натка упёрла руки в бока и раздула щёки, чем напомнила простую русскую бабу, поджидающую заведомо пьяного мужа. Рядом с ней мило улыбалась Мария Петровна, старушка походила на сухонького ангела. Этот разговор начала именно она:

– Настенька! Как хорошо, что ты вернулась! Мы уже отчаялись дождаться! Почему ты так задержалась? Вот, сестра твоя вся извелась. Я ей дверь открыла, не чужой ведь человек...

Сестра не выдержала. Она вообще не умеет молчать.

– Только попробуй возразить! Только попробуй!

– Да, – подхватила Мария Петровна, продолжила невпопад: – Молодая девушка не должна жить одна. Это опасно. Кругом столько маньяков!

– Молодая девушка, – выпалила Натка, – должна слушать старших! А ты ведёшь себя как законченная эгоистка!

– Ты ведь понимаешь, Настенька, это для твоего же блага. Не противься. Наташенька мне всё рассказала. Переедешь к родителям, вернёшься в институт. Всё наладится, вот увидишь.

– Вернёшься, вернёшься! – глаза Натки полыхнули огнём. – Ещё как вернёшься!

– Правильно, – кивнула соседка. – А то мало ли. Знаешь какие нынче времена?

– Хватит! – крикнула я. – Хватит!

Натка вскинулась, как бойцовая собака, но Мария Петровна её удержала. В напряженной тишине мой голос прозвучал как удар молотка, возвестившего, что крышка гроба заколочена:

– Где моя дверь?

Брови сестры взлетели на середину лба.

– Где моя дверь?! – повторила, едва не сорвавшись на крик.

Натка пожалала плечами, любовно провела ладонью по новенькой металлической поверхности. Дверь была не просто новой, она была дорогой, и на фоне осыпающегося бетона выглядела нелепо.

– Какая разница? Ты здесь больше не живёшь. Ключи от нового замка не проси, всё равно не получишь. Твои вещички уже уехали к родителям.

– Но это моя квартира.

– И что?

От такой наглости я опешила, сказала чуть слышно:

– Я могу заявить в полицию.

– Заявить? На родную сестру? – искренне возмутилась Натка.

А Мария Петровна скривилась, громко прицокнула языком и заключила:

– Тварь ты неблагодарная.

– Я?

Чтобы не упасть пришлось схватиться за стену, в глазах потемнело.

Натка продолжила изобличать, Мария Петровна рьяно поддержала сестру, сыпала доводами. Их голоса слились в один, этот шум становился всё громче. Я начала тихонечко сползать по стенке.

Всё ясно. Натка убедила соседку в своей правоте, а та решила помочь. Из вредности, скорее всего. Она подкараулила, выяснила как долго меня не будет и сообщила сестре. Новая дверь была заказана заранее, срочная установка – тоже. Но чтобы поставить новую дверь, нужно для начала отпереть старую.

Вернее, можно и не отпирать, но тогда у рабочих возникнут лишние вопросы. А это дополнительные проблемы, дополнительные деньги. И не всякий установщик согласится на такой риск, ведь взлом квартиры как-никак. Вот для чего Мария Петровна выпросила у меня связку.

Натка пообещала старушке полную неприкосновенность. Она отлично знает: спорить не умею, в полицию не пойду. Я из тех, кто молча проглатывает любые гадости. Максимум на что способна – расплакаться.

Натка знает, а ОМОН, увы, не в курсе... Сейчас ворвутся, скрутят, положат лицом в пол, а я ведь и без этого готова сдать. Тем более, другого выхода нет.

Потом меня посадят, а у сестры появится шанс стать полноправной хозяйкой этой квартиры... Если её не конфискуют, конечно.

На свободу выйду лет через пять, нищей и никому ненужной.

Почему это случилось? Почему волшебная история закончилась так бездарно?

– Натка, где старая дверь?

Я задала вопрос очень тихо, но он всё-таки прорвался сквозь истеричную отповедь. Сестра недоумённо захлопала ресницами.

– Настя, я говорю о серьёзных вещах, а ты прицепилась к какой-то двери!

– Где она? – обречённо повторила я.

– Где-где... на помойке, конечно.

– Молчи! – выпалила Мария Петровна запоздало.

– А что такого? – отозвалась сестра.

Лицо соседки вытянулось, позеленело. Старушка кинулась ко мне, но запнулась и кубарем покатилась вниз, пересчитала костями немногочисленные ступеньки.

Чёрт!

Я вскочила, вихрем рванула прочь. Под звонкие визги сестры, вырвалась из подъезда и снова оказалась на грани безумия.

До мусорных баков рукой подать. Даже отсюда можно без труда прочесть надпись на полиэтиленовом пакете, распластанном поверх общей кучи, различить стаканчики из-под йогуртов, перемешанные с банановыми шкурками и пивными банками. Вон и дверь стоит, сиротливо подпирает мусорный бак... Идиллию портит только одна деталь – мусоровоз.

Гигантская машина с ярко-оранжевым кузовом, тяжело развернулась, перегородила улицу. Водитель смачно выругался в адрес тех, кто паркуется вблизи стратегического объекта. Его напарник проворно выпрыгнул из кабины, махнул рукой. Не прекращая сотрясать округу отборными словами, водитель мусоровоза включил подъемник.

– Подождите! – на бегу крикнула я.

Нет, забросить дверь в кузов они не успеют, но если поднимут бак, она потеряет опору и упадёт. Старая конструкция может не выдержать, и всё, последний шанс уплывёт прямо из-под носа.

– Подождите!

В меня вперились два озадаченных взгляда.

– Что-то потеряли? – догадался водитель.

Губы второго дрогнули в улыбке, во взгляде появилась надежда. Явно рассчитывает на бесплатное шоу, уже представляет, как ныряю в мусорный бак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.